

The background of the book cover is a dark blue color. In the center, there is a large, circular opening that looks like a window or a porthole. Through this opening, a cityscape is visible in the upper half, and a river or canal with a bridge is visible in the lower half. The text is overlaid on a dark blue rectangular area that partially covers the top half of the circular opening.

Александр Бурлаков

Стервочки Кирилла Граненкова

Роман

18+

Александр Бурлаков
Стервочки Кирилла Граненкова

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Бурлаков А.

Стервочки Кирилла Граненкова / А. Бурлаков — «ЛитРес:
Самиздат», 2012

Роман рассказывает о поиске сокровищ легендарных амазонок на рубеже тысячелетий на фоне развала Советского Союза и социальных изменений в стране. Занимательный сюжет, узнаваемые реалии Ростова-Папы, тонкая психологическая обрисовка персонажей.

Содержание

Часть 1. Вечерние сюрпризы	5
Пролог 1. В середине Семидесятых.	5
Пролог 2. В середине Девяностых.	10
Глава 1. Отрывки для протокола и романа.	14
Глава 2. Завтрак с эклерами.	18
Глава 3. Странные манёвры в темноте.	22
Глава 4. Последние тайны ростовских трущоб.	25
Глава 5. Столик с шампанским в «Радуге».	32
Глава 6. Ростовские сюрпризы.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Бурлаков

Стервочки Кирилла Граненкова

Часть 1. Вечерние сюрпризы

Пролог 1. В середине Семидесятых.

Наверное, эта удивительная история началась ещё в то время... гигантская и воинственная держава собиралась с имперским размахом отпраздновать полвека плюс ещё десятилетие революции, породившей её. Стремилась к заоблачным высотам космические экипажи, одна за другой стартовали или финишировали ударные стройки, газеты наперебой кричали о великих достижениях.

Июньское жарено царило над Приазовьем – малейшее колебание воздуха обжигало кожу. Даже портрет Брежнева, – четырёхэтажный, пока лишь с тремя звёздами на кителе, возле «Интуриста» в Ростове-на-Дону, – заметно выгорел на таком солнцепёке.

А по соседству, напротив памятника Кирову, в густом облаке желто-бурой пыли надрывно грохотала тяжёлая строительная техника. Сносили целый квартал старинной застройки. Здесь расчищали площадку для возведения музыкального театра, – о чём свидетельствовала пёстрая вывеска на заборе.

Огромный дизельный кран, непрерывно лязгая тросовыми лебёдками, разворачивался и бил с размаху в здание пятитонной булавой. С противоположной стороны орудовал могучий гусеничный экскаватор: яростно упиравшись стальной, зубастой лапищей, он пытался расшатать и завалить стену на втором этаже. Однако дореволюционная кладка из парамоновского кирпича, знаменитого на юге и по сей день, поддавалась с великим усилием.

– И какой умник придумал тут всё ломать? Пустырей что ли кругом не хватает?! Третий зубец на ковше меняю! Чёрт! Стрела выгибается! – с досады выругался машинист: – В Сибири на вечной мерзлоте легче приходилось! Ёлки-моталки!

Недавно Михаил вернулся с северной ударной стройки, так что считался одним из лучших в своём деле. Да собственно, закладка музтеатра в Ростове, уже тоже превратилась в ударную: сюда собрали всех самых опытных в городе, плюс в области. Рядом с экскаватором рычал свирепообразный бульдозер – его механик-водитель полтора года назад усердно коптил солярой небо в дружественном Ираке. Только даже немалое мастерство профессионалов не помогло с одного взмаха сокрушить качество былой работы.

– Срубков! Чего ты там возишься?! Второй день завалить не можешь! – послышался раздражённый голос прораба.

– Саныч! Сам, поди, погрызи! – Михаил развернул кабину, дабы лучше видеть начальника: – здесь тебе не фанерные коммуналки. Эти дома фугасы немецкие выдержали да ещё полвека простояли, даже не треснув – а ты хочешь...

– Ты ещё выступиай мне. Грамотный стал! На парткоме за срыв графика выступиай!

– Саныч, а ты атомную бомбу закажи на парткоме – тогда ты за раз весь котлован вырешь. Для двадцати театров!

– Срубков! Ты видно забыл, что квартиры вне очереди обещали и двойные премии?

– Нам коммунизм уже без малого шестьдесят лет обещают плюс светлого будущего в дырявый карман – кто насколько унесёт?! – огрызнулся Михаил, тем не менее, повернул стрелу и с особой яростью врезал по стене. Многотонная машина вздрогнула, но стена подалась: пошла трещина. Ещё нажим.

Вдруг из ниши, открывшейся в покосившейся стене, вывалилось нечто необычное: сверкнув на солнце гляncем отделки, стукнулся о ковш, за тем упал в крошенный кирпич небольшой синенький сундучок.

– Это ещё что? Ого! Вот так подарочек, – Михаил мигом застопорил ковш и, надев каску, подбежал предмету.

– Что это ты откопал? – присоединился к нему коллега с бульдозера: – Миша – сокровища! Ларец?! А ключ есть?

– Если таковой и значился – то уже явно под кирпичом отдыхает.

– Длинной отвёрткой давай попробуем – вот у меня. Возьми, – Виктор вынул из спецовки целый набор отвёрток в аккуратном футляре.

Ларец открылся?!

– Фиу-у! Да тут – если даже четвёртая часть – то на новый «Москвич» хватит! – Присвистнул Виктор от восторга.

– Ну-у... Хватит, скорее, на половину...

– Точно: половину тебе, половину мне – остальное подзаёмём!

– Ха! На то ещё через стакан посмотреть надо!

– Посмотрим! – заверил бульдозерист. – Вечером пойдём.

– И вообще – мне мощный мотоцикл с коляской больше по душе: «Урал» либо «Днепр». На нём на рыбалку сподручней мотаться!

– О-о! Уж это... – Виктор не успел высказаться.

– Срубков! Опять ты стоишь – черти тебя дери! Ну, сколько можно, трактор в холостую соляру жжет – леший трижды раздери твою селезёнку!

– Оставь, начальник, свою нечисть в покое – я крещёный.

– А парторг об этом знает? Антиобщественной пропагандой занимаешься! Работу саботируешь?! Вот я...

– А ты не пужай дюже – я на Колыме уже побывал, видел – и там жить можно!

– Ладно-ладно – сейчас ты у меня довыступаешься! Ты о жене и сыне уже позаботился!

– Да чё ты дободался! Саныч! Ты видишь: здесь что нашёл!

– Ну и что? Какое мне дело?! Ударный объект – ты хочешь, чтобы нас в обкоме на ковре петлеполоскали?!

– Хочу, конечно! Пусть полощут – у них должность такая – дюже нервная...

– Ты мне...

– Тут же *история!* – вовремя вмешался Виктор с примирительным тоном; зная норы Михаила и чувствуя, что атмосфера накалилась не на шутку.

– Да вам лишь бы не работать – вот ваша история! Плевать мне...

– Так и всё вокруг заплевать недолго – ступнуть негде будет.

– Хорошо – пойдём в прорабскую, там поглядим... А то сейчас все свои дела побросают да сюда припрутся поглазеть. Зла не хватает! Леший трижды раздери твою селезёнку!

– Людоед – ты, Саныч... – в полголоса буркнул Михаил.

В прорабской, поверх чертежей будущего театра, разложили содержимое синенького ларца, с изящной серебряной рамкой и отделанного орнаментом. В нём находились фигурки загадочных животных. Виктор и Михаил со всей осторожностью вынимали и поочередно рассматривали: небольшой тройной подсвечник в виде деревца, о кору которого, грациозно выгнув спину, точила когти диковинная, крылатая кошка, – крылатый ягуар; брошь – краб, несущий на спине крупную чёрную жемчужину. Вот робкий оленёнок с непривычно разветвлёнными у основания рогами, рвущий листки с кустика; а за ним из ларца появилась насторожившаяся вислоухая волчица с прижавшейся к ней парой волчат на пригорке. Дальше из ларца «вылезла» крылатая ящерка, – маленький парящий дракончик; двух головый орёл, сидящий на краю гнезда, из которого высовываются два двуглавых орлёнка (орлиное семейство сиамских

близнецов); влюблённая пара лошадей (конь уже чуть отступил к хвосту своей избранницы, и по оскалу его морды чувствовалось, что он уже набрасывается на свою возлюбленную в неудержимом страстном порыве), – самой же удивительной и совершенной показалась миниатюрная бабочка на цветке. Как и все статуэтки, она была из серебра, с замысловатыми, узорчатыми крыльями; а сидела она над голубым полупрозрачным камнем в венчике цветка. Изящная подставка из четырёх листиков удерживала всё творение в вертикальном положении. Благодаря чему возникал эффект почти неестественной лёгкости – полувоздушности хрупкого изделия. Бабочка зачаровывала своей утончённой художественной образностью. И Михаил, и Виктор по очереди бережно повертели её в своих огрубелых, механизаторских руках. Каждая серебряная фигурка лежала в ларце в своей ячейке, отделанной бардовым бархатом.

– Надо звонить в Краеведческий – заявить о...

– Что?! Я тебе позвоню! Никаких звонков – Теничков! – прораб даже как-то взвизгнул: – Ты не понимаешь, что говоришь! Они же остановят стройку. Будут рыться месяц! А то и больше! А осенью по грязи тут лазить! Чуешь, что говорю!

– Танки – грязи не боятся! – решительно насутился экскаваторщик. – Я по сибирским болотам прошёл вдоль и поперёк, комаров тоннами глотал – а он меня кавказским дождичком испугал! Не раскисну!

– Да кому нужны эти безделушки?

– Хм! Это же искусство! Театр доверили возводить... – недоумённо покачал головой

Виктор.

– Не вам о том судить! Сверху виднее – кому доверять – что и когда! Поняли?!

– Понять-то поняли. Но мы действуем в соответствии с правилами: может там ещё что-то есть? Более ценное? Вдруг... – Теничков недоговорил.

– Это меня не касается! В обкоме не интересуются всяким хламом. Их там интересуют лишь сроки сдачи объекта! И на раскачку нам не отпущено ни полсекунды!

– Да – наша история, никого уже не интересует, – с грустью заметил Виктор.

– Историю делаем мы: театр строим и выкапываем сокровища! Не переживай, Витя, – успокоил Михаил и стал бережно укладывать содержимое ларца на место, – Ну, ладно, я сам до Краеведческого сметаюсь, за час думаю управлюсь.

– Ты что – бросаешь работу? – взвыл прораб.

– Можешь считать, что у меня технический перерыв: главный цилиндр подтекает, вызови пока техпомощь. Надо манжеты сменить.

– Наручники будут твои манжеты! Ударный объект, под контролем ЦК КПСС, к 7 Ноября сдать любой ценой! И никакие цацки никого не оправдают!

– Так, Саныч, не горячись! – попросил Виктор, поняв, что страсти раскаляются не на шутку. – Мы с Михаилом согласны взять повышенные обязательства, работать без выходных.

– Но за это можно получить солидное вознаграждение! – резонно напомнил Михаил.

– Хм! Какое там вознаграждение: здесь ведь не золото – на всю жизнь не хватит, того вознаграждения. Лучше о квартальной премии подумайте!

– Ха-ха-ха! Так её хватит до ближайшей пивнушки!

– Это уж кому как... – не сдавался прораб.

– Да, ежели каждый руб в чулок прятать, то в золочёном гробу и похоронят. – Возразил Теничков.

– Если сыновья не пропьют всё раньше, – вставил Срубков, – Ладно – Саныч: такой случай выпадает раз в жизни. Отдай нам с Витей ларец, мы сами что-нибудь придумаем. А ты сиди здесь – на своей стройке! – Твёрдо заявил Михаил.

Прораб, зло скрипнув зубами, замолк на секунду, по всей вероятности он не ожидал такого разворота. Вдруг прозвучал сигнал клаксона. Все посмотрели в окно. На площадку въезжал мощный «КрАЗ-трал», который подвозил на объект дополнительную технику. На его плат-

форме стоял тяжёлый гусеничный погрузчик. Сейчас в вагончике появятся ненужные зрители. Спор надо было прекратить до более удобного момента.

– Нет, мужики, не горячитесь – приедет директор управления или начучастка – тогда и придумаем что-нибудь! Погоди-ка, – Саньч порывлся в потёртом бумажнике, затем протянул машинистам двадцатипятирублёвку: – возьми – Витя! Это от меня магарыч! Пожалуйста, надо торопиться! От вас сейчас зависит годовой показатель всего коллектива «СУ-40»!

– А ларец?

– А-а – я в сейф его положу – лично буду охранять! Ключ вот – всегда со мной, – он показал, где носил ключ от сейфа.

Больше никто не захотел спорить. Мужики не рискнули лезть на рожон: притихли и оба побрели к своим машинам.

Приехал начальник объекта и вечером сообщил разволновавшимся работягам, что ларец покажут археологам в субботу:

– Все выйдем на комсубботник, повкальываем до обеда, а тогда уже вызовем учёных – скажем: мол, нашли в подвале. Пусть себе покопаются дня два, и для науки хорошо, и стройку надолго не задержат. А пока ларец останется под общим контролем в сейфе у прораба.

Весть о ценной находке быстро облетела весь объект. Мужики из бригады Виктора и Михаила даже приводили на ночь сторожевую овчарку, едва не покусавшую сторожей. Каждое утро Саньч демонстрировал Михаилу, что ларец находится на месте.

В субботу, ближе к полудню, все столпились вокруг прорабской. Из краеведческого приехали двое. Первый – совсем юный – видимо ассистент. Второй – худой, с небольшой бородкой. Его взгляд, отчаянно сопротивляясь жаре, выражал слабый интерес к происходящему. Однако в целом они казались не очень довольными – их выдернули в выходной в такую жару, – а они уже привыкли, что строители в развалинах что-нибудь да находят. Что-либо надёжно припрятанное от кого-то в своё время, в результате надолго пережившее своих хозяев. Да только не каждая находка действительно стоит того. На лицах сотрудников музея был заметен лёгкий, но устойчивый скептицизм. Тем не менее, когда сейф открыли – их выражения переменялись:

– Что-то интересное...

Срубков с Виктором услужливо приготовили свои супер отвёртки.

– Нет, нет! Этим вы можете повредить механизм. Мы своими методами, – заявил старший сотрудник музея, и повернулся к помощнику: – Андрюша, достань, пожалуйста, инструменты – посмотрим: что там?

Андрей неторопливо, со знанием дела разложил необходимый инструмент, больше похожий на джентльменский набор бывалого медвежатника.

После вскрытия, однако...

– Увы – это не представляет ценности для истории. – Казалось, что сея фраза вертелась на языке у сотрудника с бородкой с самого утра.

– Что?! – в один голос изумились Виктор и Михаил, но и сами уже увидели, что в ларце сейчас лежат вовсе не те предметы.

– Эти вещи – обыкновенные сувениры. Кто-то из жильцов собирал их для украшения интерьера по праздникам и складывал обратно в этот сундучок, доставшийся от отца или деда. Это можно определить по списку выселенных владельцев. Ну а сундучок – если владелец согласится, мы могли бы взять – за вознаграждение конечно. Хотя это тоже – не очень старинная вещица, – археолог покрутил предмет в руках, – судя по состоянию посеребрённой отделки: конец прошлого столетия – самое большое! Более того – работа кустарная – я в том уверен – хотя и довольно качественная. Только стоимость её всё равно не высока.

– Но здесь лежали другие украшения!

– Что?! На что вы намекаете! – вскричал побагровевший прораб, – К сейфу никто не прикасался! Я лично...

Рабочие стояли будто вкопанные: они понимали, что единственное, неосторожное слово теперь может круто изменить судьбу не только прораба.... Одно было уже очевидно: новенький «Москвич», также как и «Урал», проплыл мимо. Переглянувшись и стиснув зубы, Виктор и Михаил вышли из прорабской.

– Загонял ты, Саныч, людей по эдакой жарюке! Клады уже им мерещатся – скоро двадцать стульев искать начнут в котловане! Беречь надо советских людей! – наставительно упрекнул начстройку: – Передай, тем двоим благодарность, за проявленную заботу о сохранении родной истории – оформи отгулы до среды. Отвезёшь их на базу отдыха за счёт профкома, как передовиков.... Извините за беспокойство – служители науки! Мы-то полагали: действительно что-то ценное. Шкатулочку заберите, список жильцов и квартир я Вам пришлю: сами всё и уладите! А теперь, прошу в столовую бытовку: отведайте нашей крошечки. Есть безалкогольное пиво «Солодок»....

Инцидент всем показался исчерпанным.

Пролог 2. В середине Девяностых.

*

Вечерело. Едва начавшаяся осень пока не вступила в свои права, и в распахнутое окно незаметно влетали сладостные запахи по-летнему ласковых дней. Гардины повисли без движения. Внизу, в крошечном скверике отчаянно голосил озабоченный кот. Тем не менее, жёлтые хризантемы, возле беседки напротив, уже зацвели, и в воздухе ощущалась некая – трогательная, горечь неизбежности. Небо стало сплошное, повсюду звонкое, а утомлённые солнечные лучи дышали зрелым успокоением.

Дверь в соседний зал была закрыта, из-за неё доносились звуки работающего телевизора. Привлекательный мужчина средних лет и его восхитительная подруга лежали, слегка утомлённые, совсем не стесняясь своих не прикрытых тел, не торопясь покинуть просторную кровать. Их красивые тела хорошо гармонировали с дорогим интерьером спальни, лишь чуть-чуть испорченным лёгким беспорядком в комнате. Изрядно помятая постель и розовое игристое вино, немного задержавшееся в двух высоких фужерах, рядом с фруктами и большой коробкой конфет на итальянском журнальном столике свидетельствовали о том, что ничего ими не упущено и не обойдено. И вопреки всему он, – да вероятно она тоже – чувствовал себя недовольным подобным общением. Сегодня ему мечталось о чём-нибудь особенном. Странная для зрелого, закалённого жизнью, мужчины чувствительность завладела им этим вечером. Он невольно ловил себя на том, что опять наслаждается даже простым присутствием рядом с нею. Точно юнец перед первой своей дивой, мужчина обволакивал наготу молодой женщины преданным взглядом; готов был обласкать её, по-новому удивляясь девственной нежности кожи... Он снова посмотрел на неё. Совсем не изменилась, разве немного укоротила красивые светлые волосы. Он не осуждал её, хотя больше всего любил в ней именно ниспадающие на спину густые локоны. Что ж – лето выдалось очень жарким. Похоже, угрозы экологов о глобальном потеплении климата постепенно сбываются – только кому теперь дело до превышения каких-то там токсинов?.. «Чёрт! Что это со мной?! – Изумился он собственным мыслям. – К зелёным понесло – к лешему?! Неделя была напряжённой...»

**

Эта встреча с бывшей женой для Алексея Николаевича сразу пошла как-то нетрадиционно. Всё происходило как-то не так. Главная же беда состояла в том, что Алексей Николаевич не знал, какими фразами выразить то, что ему сейчас необходимо. Поэтому, не говоря пустых слов, он наслаждался теплом своей бывшей семьи, старался запомнить любую деталь вечера. Ему хотелось подольше поиграть с дочуркой Оксаночкой или почитать ей что-нибудь забавное перед сном. Даже к домашней кошке, в этот визит, Алексей Николаевич проявил исключительную заботливость – обычно он её просто не замечал. А то вдруг – купил персональный подарок в зоомагазине: банку «Виска-с» и смешной бантик; правда пушистая Виола была давно уже не игривым котёнком. И серый кот, скучающий под окном, уже не первый год приглашал на любовную прогулку именно грациозную Виолу...

Алексей Николаевич не совсем разлюбил свою первую, пока единственную законную, супругу, да и Арина – кажется – ещё не охладела к нему. Просто она не желала понимать реалий современного российского бизнеса. Его Ариадна ничего не пожелала слышать ни о престиже фирмы, ни об эффективной рекламе золотых украшений, – когда у мужа в кабинете стали появляться манекенщицы. А, тем более, после того, как одна из них: фигуристая, рыжеволосая стервочка; вся увешенная рекламируемым товаром, демонстративно уселась возле двери шефа в качестве длинноногой секретарши – Арина недвусмысленно дала понять, что терпеть такое не намерена. ...

Короче говоря: когда домашние скандалы и истерики переросли в сильно затянувшийся кошмар, Николаевич настоял на разводе, даром что его сердце в тот миг расколосось надвое. Он оставил им новую квартиру в центре Ростова-на-Дону плюс дачу в престижном предместье. Позже подарил два автомобиля: малолитражный «Фиат» и новенький «Иж», приятного салатного цвета – он очень понравился Оксаночке, особенно после хорошего тюнинга. А сам Алексей Николаевич перебрался в скромную для его уровня однокомнатную квартирку в спальном районе. Здесь хоть можно поваляться в люльке в редкие выходные.

Благодаря сохранившимся неплохим отношениям, Арина до сих пор надеялась, что счастливое прошлое ещё вернётся. Однако Николаевич чувствовал, что за какой-то год – полтора стал совсем иным: жёстче, злопамятней. Он уже не сочувствовал своим корешам, – таким же начальникам фирм – поочередно попадавшим под жернова криминальных либо финансовых катастроф. Охолостяковев, Алексей Николаевич пристрастился к скачкам. Лошади ему нравились с самого детства: когда-то мечтательному Алёше запомнились кони, грациозно танцующими в цирке. Теперь он даже принял доленое участие в реконструкции ипподрома, за что получил постоянное место в элитной ложе. Овладев в совершенстве специфичным жаргоном жокеев, Николаевич – теперь крутой фирмач – для себя устанавливал некую связь между тем либо другим коммерсантом и кличкой скакуна, периодически участвовавшего в забегах; и сочинял, записывая в отдельный блокнотик, едкие шуточки; забавляя рыжеволосую секретаршу, чаще остальных бывавшую с ним наедине. Но накапливалась усталость, а сил на всё прочее, кроме налаживания перспективных связей, оставалось всё меньше; в результате: характер становился всё ершистей, – и Алексей Николаевич не хотел, чтобы жена или дочь без конца толклись у него перед носом и оказались невольными свидетелями подобных перемен в нём.

К тому ж – рыжеволосая красавица постепенно стала его любовницей. Словом – до сегодняшнего вечера, Алексей Николаевич не очень жалел об их разрыве с Ариадной. Зато сейчас, отдыхая возле ещё не одетой бывшей жены, ощущая её нежное тепло, он неотрывно всматривался в облик родной некогда красавицы, да и не мог наглядеться.

Алексей Николаевич успокаивал себя: что быстро вернётся из Москвы, опять тайком завернёт сюда своего роскошного «Опеля». Они снова поедут всей семьёй кататься по городу, на весеннюю набережную Дона, в залитую солнцем Кумжинскую рощу, – а в завершение пикника, конечно, в цирк, где танцуют великолепные кони...

Только что-то подсказывало ему невозможность осуществления таких мечтаний в обозримом будущем... Его ждала не простая командировка. Ростовские торговцы украшениями нажимали, чуть ли не многотонным катком, – его предприятию пытались подрезать финансовые корни. Однако Николаевич полагал, что его ставки отнюдь не побиты: ещё успеет слетать в златоглавую к влиятельным своякам. Только всё сегодня делалось неправильно. И причина нарушений жизненного ритма притаилась где-то в нём самом: сегодня он изменил многим своим привычкам...

– Как мне не хочется уезжать! – признался вслух Алексей Николаевич.

– Так не уезжай! Останься! – Ариадна восприняла сей возглас как вещий знак; что вот теперь всё может повернуться вспять. Увы – она сильно ошибалась!

– Я должен! Пойми – обязательно должен....

– С рыжей шлюхой?!

– Прости – но мне нужна помощница...

– Тебе нужна бл...! Ни разу ты не предложил съездить вдвоём нам!

– Ариша – прошу! Родная – не начинай....

Она не произнесла больше ни слова: рывком встала и ушла в ванную. «Только скандала тут мне не хватало!» – с горькой досадой подумал Алексей Николаевич: – «Ну, какими фразами ей можно ещё раз объяснить, что рыжеволосая – недавно стала дипломированной выпускни-

цей экономфака и в результате главным бухгалтером их предприятия – незаменимым помощником! Они отлично сработались! – «Бесполезно что-либо говорить!»

Пушистый серый кот возле беседки продолжал звать капризную Виолу на свидание. А красивые жёлтые цветы источали вокруг нежные потоки, но царственно не обращали никакого внимания на страдающего кота. «Все бабы противные...» – Николаевич отвернулся от окна.

– Пожалуй, мне действительно пора... – негромко произнёс Николаевич вслух, однако сердце наполнилось гнетущей тоской и усталостью. Почему же ему так не хочется лететь в Москву?! Ведь он не редко оттягивался по полной программе в столичных увеселительных заведениях. Кроме того – в Москве у него имелась пара прелестных подруг ранней молодости, коих Николаевич по-прежнему щедро одаривал роскошными «донскими сувенирами» из жёлтого благородного металла. И они не оставались не отблагодарёнными. Странно – почему вдруг его терзают какие-то сумрачные предчувствия: у него есть деньги, восхитительные любовницы; у него есть проверенные связи. Да и Арина, скорее всего, поворчит, поворчит, но не станет рвать с ним. Он – её благополучие...

Николаевич оделся и вышел в зал. Оксаночка, едва досмотрев мультики по видику, зашебетала, выдавая накопившиеся за день новости и турзуча бедную Виолу, так и не откликнувшуюся на призывы серого красавца за окнами. И в это же время большие, антикварные часы на стене били молотом по вискам: билеты заказаны; в столице ждут; интересы фирмы – интересы фирмы!

Расстались более чем холодно. Ариадна даже не предложила поужинать на дороге, и не подняла на него жёстких глаз. Оксаночка как всегда расхныкалась, провожая отца, но Арина решительно захлопнула дверь за бывшим супругом: он сам разрушил её надежды.

«Хочет обидеть. Ладно – сейчас некогда, потом всё улажу», – решил про себя Николаевич и спустился к своей машине.

Серый кот проводил его печальным взглядом. Жёлтые хризантемы еле заметно кивнули своими дивными шапками.

Оставив «Опеля» на платной автостоянке, Алексей Николаевич проехал несколько кварталов на автобусе. Через полчаса он – полностью переодетый в тёмных очках – пересел в серозелёную «Волгу», которая стояла в самом дальнем от дома гараже, куда редко кто-нибудь заглядывал: здесь хранился его стратегический «НЗ». Рыжеволосая секретарша поджидала шефа на условленном углу в другой части города, неподалёку от своего такого же гаража. Ехали молча. Николаевичу было не по себе, на сердце свинцом лежала коричневая тоска. Он часто оглядывался в зеркальце заднего вида и несколько раз, будто случайно, замечал контур синего «Мерседеса». Алексей сунул руку под пиджак и нащупал рукоять пистолета: «Неужели выследили?! Ничего – успею проскочить! Главное нигде не задерживаться».

Когда они свернули на Российскую улицу и помчались вдоль железной дороги; синий «Мерс» незамедлительно направился за ними. Внутри у Алексея Николаевича похолодело: улица малолюдная – вскоре все дома окажутся позади, последуют овраг и роща. И когда до рощи оставалось метров сто, «Мерс» включил все фары и, словно голодный гепард за антилопой, рывком бросился на сближение.

Николаевич успел выстрелить два раза, но был явно не высоким профессионалом такого дела: из «Мерса» высунулось дуло автомата... Изрешечённая «Волга» уткнулась в частокоракций на краю рощи. Из остановившегося «Мерса» вылез некто, в натянутой на лицо матерчатой маске.

– «Смелый сошёл с дистанции», – прошептали немеющие губы. Контрольный выстрел в голову помог им успокоиться...

Поздно ночью «Мерседес»; уже успевший превратиться из тёмно-синего в ярко-красный, а за одно и переменить госномер; затормозил на пустынной дороге за бетонной оградой, протянувшейся вдоль взлётной полосы ростовского аэровокзала. Справа тянулась густая лесополоса, а дальше начиналась Александровка – самый восточный микрорайон города. Свежевыкрашенный «Мерс» дважды полыхнул всеми фарами, поскольку был почти незаметен на неосвещённой дороге. Вскоре посередине проезжей части появился человек в плотной джинсовой одежде с компактным, зато вместительным чемоданчиком. Подойдя, мужчина просунул его водителю «Мерса», вспыхнул фиолетовый фонарик, который высветил тщательно уложенные пачки зеленоватых купюр. Водитель удовлетворённо кивнул головой. Мужчина в джинсовом костюме стал быстро удаляться.

– Уберём его? – спросил водителя «Мерса» его сосед в матерчатой маске. Он осторожно звёл курок пистолета с глушителем и надавил на спуск бокового стекла.

– Подожди... Он может быть не один...

Мужчина на дороге опередил их на доли секунды: не оборачиваясь, резко выгнул назад руку, нажал кнопку дистанционного микропульта и рухнул на асфальт. Внутри «Мерса» сверкнула вспышка, и гроыхнул взрыв. Человека в джинсовом костюме обдало осколками лобового. Тем не менее, он вскочил и побежал... Через несколько минут из лесополосы выехала вишнёвая «восьмёрка» – проскочив через узкий пролесок, легковушка затерялась во дворах Александровки.

– Куда теперь? – поинтересовался шофёр «восьмёрки», когда всевозможные мигалки уже проскочили мимо – в сторону лесополосы.

– Ха-а! Хочу теперь – сообщить тебе кое-какой секрет: у нас с тобой без малого два миллиона баксов! – ответил его напарник, неторопливо расстёгивая заклёпки на джинсовом костюме: – А ты спрашиваешь: куда? Да куда пожелаешь! В Майами! На Канары! Хочешь осуществить мечту Остапа Бендера?! Так в Рио-де-Жанейро!

– Ясно: для начала в аэропорт... А рейсы сейчас будут? Светиться начнём, а там мусоров?..

– Не дрейфь, браток! Сегодня не те времена – демократия! Ты не с сопливым связался! У дяди всё продумано, сынок: рекламу иногда читать надо: «частная авиакомпания «Дон-Авиа» совершает чартерные рейсы круглосуточно!» У нас уже всё оформлено, как положено, – ни оружия, ни... Надеюсь, ты пакет анаши в кармане не носишь?

– Нет! Не надо меня за лоха держать!

– Тогда, и не тормози! Помчим с комфортом! Там у них «люкс»: икра, стюардессы по выбору, видеобар! Всё будет чики-пуки!

– О-кей! Ты меня убедил.

– Сейчас, я перелезу назад, а ты – если вдруг – говори: к любимой на огонёк. Знаешь – неподалёку от аэропорта девятиэтажки стоят? Панельные?

– Приблизительно...

– Вот, едем туда – там до самокатов сереброкрылых пешком полшага. Ключ брось под машину – будто уронил. Всё равно наших отпечатков тут нигде нет, а местные братаны ей мигом ноги приделают. Пусть потом ищут серого козлика в синем лесу! Так вроде бы... Да – и не гони – чёрт дедушкин! Шоб корефану с полосатой палочкой права не захотелось у тебя проверить...

Свежевыкрашенный «Ту-154», с эмблемой «Дон-Авиа», легко оторвался от взлётной полосы и, быстро набирая высоту; небрежно махнул крылом, оставшимся далеко внизу дымящимся обломкам красного «Мерса» плюс, собравшимся вокруг милицейским «Узикам». Лайнер взял курс на Кипр.

Глава 1. Отрывки для протокола и романа.

*

Многие замечали, что на Кавказе время течёт по-особенному. Иной раз, кажется, что оно вообще зависло, и нигде, ничего не происходит. Только, не успеешь обернуться, дабы вспомнить какое-либо событие, а от него тебя отделяет уже почти десяток лет, потом уже почти полвека ... и вот уже почти никто не может вспомнить, как то произошло на самом деле. Однако события того лета я помню очень зримо.

Знойное марево повисло над Ростовом-на-Дону. Ни ветерка! Лишь в горячих потоках самодовольно выюжит тополиный снег – дьявольский призрак зимы, – когда по пыльным улицам и перекрёсткам нехотя тянутся обычные июньские будни, изрядно подгоревшие на липком асфальте; а застывшие в пространстве табачно-серые сумерки безжалостно обманывают насчёт ожидаемой прохлады.

В одном из пожилых микрорайонов, среди несчётного количества разнокалиберных малоэтажек, липнувших друг к другу отрезками балкончиков и убогих пристроек; затерялся неприметный с виду кабак. Неприветливый отрезок кирпичного забора, отгораживал от 13-й Линии небольшой дворик, образовавшийся в проёме между домами. Помимо шиферного навеса от зноя дворик укрывал ветвистый вяз – росший в углу, а единственное незанавешенное место властно занимала шашлычная. Само же питейное заведение располагалось во флигеле одного из двух домов, вокруг скрытного дворика.

Тем не менее, несмотря на свою внешнюю простоватость, сея кафешка, имела совершенно особую репутацию среди тех, кто знал об её существовании на грешной земле. Поскольку её главными посетителями (кроме горстки отставников речфлота из близлежащих трущоб) были: во-первых, торговцы средней руки с Нахичеванского рынка, с утра до поздней ночи гудевшего неподалёку.

Перекупщики тряслись за свои кровные и оказывались очень уязвимыми перед законом: вечно у них не хватало какого-то важного документа или печати; поэтому их безжалостно облагали данью и штрафовали все – кто мог! И везде у них оставался единственный, зато проверенный способ спасения: вложенная в нужном месте и количестве купюра, – кому-то – назло, другим – на радость. Только в скромном кафе на 13-ой для донских челноков имелась тихая гавань, где можно спокойно причалить и перевести дыхание...

Ну а во-вторых, частыми клиентами питейного заведения являлись как раз основные враги всех первых. Сотрудники Пролетарского райотдела, который располагался через квартал – почти за углом, на проспекте. Словом, и они, обессилев на службе и получив хоть полдня выходных, спешили сюда. По такой причине кабак превратился в зону непродолжительного примирения сторон, и это обстоятельство отличало его от большинства прочих забегаловок Ростова.

В любой другой обстановке как жуликоватый делец, так и – тем более – неизлечимый пьянчуга поторопились бы перейти на противоположный тротуар либо свернуть в ближайший переулок, нежели повстречаться нос к носу с товарищами в форме; вечно ждущими повышения к жалованию. Да – факт тот, что сотрудники сделались злыми – никого не радовал, поэтому с ними лучше было просто не сталкиваться. И лишь здесь: за скромной зелёной калиткой и облупившимся отрезком забора действовал негласный принцип внутрикабацкой неприкосновенности. Два дальних стоячих длинных столика – возле глухой кирпичной стены соседнего здания, закрепились за местными алкоголиками; торгаши имели свои три сидячих – поближе к вязу и шашлыкам; тогда как вечно спешащая милиция получила почти персональные четыре круглых – опять высоких – пристанища поближе к калитке. Единственный старинный деревянный стол в помещении почти всегда пустовал от посетителей. Обычно за ним полуобком

к двери восседала толстая хозяйка; а две фигуристые помощницы, привлекательно покачивая бюстами, готовили закуски. Высокое милицейское начальство за зелёную калитку не заглядывало, посему младший и средний состав мог позволить себе расслабиться тут, хотя бы на часок. Просто пить пиво и не о чём не думать, просто дышать воздухом – забыв, пусть ненадолго, о протоколах и задержаниях.

В этот июньский вечер клиентов было немного. Лишь горстка районной шантрапы добывала поллитровку, обмывая удачную сдачу цветмета, походу соображая, где б раздобыть ещё на пару пузырей. Компания перекупщиков вмазала по сто пятьдесят и теперь закусывала ароматной, жаренной со специями, печёнкой вприкуску с адыгейским салатом.

Два хмурых сержанта молча допили пиво, и устало направились к выходу. Им навстречу вошли два лейтенанта. Первый – тот, что повыше и темнее волосом – являлся старшим. Светлый и коренастый – младшим. По потёртым кожаным папкам подмышками и по серому, измотанному лицу сразу становилось ясно: участковые. Шантрапа в конце сразу притихла, но товарищи даже не бросили туда взгляда – им уже осточертели небритые, сморщенные от спирта, будто вечная засуха, физиономии.

– У тебя есть? Андрей, – поинтересовался тёмный у светлого.

– Сейчас, – Андрей порылся, выгребая мелочь из карманов: – Вот. Должно хватить.

– Ладно – оставь, у меня сотня, потом сочтёмся, – с некоторым пижонством объявил Константин Хафшин – старлей, – рыбки или крабовых палочек хочешь?

– Нет, спасибо, только пиво.

– Тогда кириешками моими угостись.

– Нет – не хочу...

– Что-то ты слишком мрачен сегодня, может, влюбился?! – шутиливо подметил Хафшин, когда они встали у столика.

Андрей промолчал.

– Так что у тебя за беда? – Если не секрет.

– Ничего чрезвычайного. Так – на воспоминания невесёлые потянуло.

– А – ну ты ж историк! Бывший...

– Нет – Костя: я и есть историк. Только сейчас разве до науки? Ноги протянешь! Либо ты – нувориш-ка, либо – зубы на полку...

– Либо ты – мент... – с усмешкой добавил его товарищ, – Э-э! Да так и вовсе скиснешь! Кстати – нас ведь, помнишь, назавтра пригласили в ресторан – и даже на самом зелёном и прохладном левом берегу Дона! Какая роскошь! Ты пойдёшь?

– Придётся... Прислуживаться перед крутыми...

– Хм?! Не хочешь? Ты знаешь того босса?

– Граненкова? Слыхал – жулик, по-моему, *порядочный!*

– Да... Говорят он и с начальством нашим – с самим Гарисеевым уладил и со старшим участковым Вартаняном переболтал, чтобы мы смогли получить полдня выходных среди недели? А ради чего?

– Вот и я об оном же факте размышляю: Кто с бабками – ментов в прислуги заказывает.

– Брось ты, Андрей. Пей пиво и расслабься хоть на один вечер! Не нагоняй тоску. Расскажи лучше что-нибудь из Всемирной Истории!

– Там тоже тоска полнейшая...

– Ты, говорят, даже диссертацию защитил?

– Подготовил, но не защитил.

– Почему? Что не так?

– Первый раз меня просто не допустили, а позже я уже сам не захотел...

– М-м?!

– Из-за идеи пострадал: не так кое-какие факты осветил.

– Ага – крамолу наката! Выходит, ты у нас бунтарь – Диссидент! Так сказать! – усмехнулся Константин Хафшин.

– Видимо...

– А этот – миллионер завтрашний – тоже в университете учился?

Андрей кивнул:

– Мы встречались на вечеринках.

– Так я и думал. Понятно, почему он выбрал на завтра нас! Вартанян сообщил ему, что мы с тобой сдружились...

– Плохо, что не мы его на завтра вызвали!

– Что он за фрукт?

– Чей-то сынок – какого-то профессора, что ли – взлетел очень быстро! Бабник страшный! Учился, кажется, на физфаке, но и к нам его заносило частенько: за каждой юбкой смазливой волочился. Деньги у него уже тогда имелись лишние – на белой «Волге» уже гонял! С тонированными стёклами, салон кожей выделан!

– Понятно. Когда есть гроши – чего ж не гонять... А ба-бо-чка – крылышками бяк, бяк, бяк, бяк, а за ней воробышек – прыг, прыг, прыг, прыг. Он её голубушку – так-растак, да и раз эдак... – неожиданно пропел Константин, подчиняясь скрытым порывам души.

**

В это же время, в другой части Ростова, напротив затянувшейся стройки музыкального театра, – Александр Вилискунов окончательно размяк за одиноким столиком в кафе «Радуга». Понурился от немилосердной жары, он полусонно ковырялся в вазочке с мороженым, периодически добавляя к тому приличный глоток охлаждённого вишнёвого ликёра.

Тем не менее, мысли Александра были куда более радужными, чем могло бы показаться. Презрев окружающее пекло, они озорным сентябрьским ветерком носились вдалеке от Земных проблем. Сложно даже передать в числах то, в какие неведомые миры их сейчас увлекло. Этой весной ему достались дневники от одного знакомого бизнесмена. Александру предложили подумать: сможет ли он на их основе сочинить художественную книгу? Вопрос, в общем-то, получился полуриторическим, ибо такой материал – бесценное сокровище для мало-мальски творческой личности. Благодаря ему, в молодой писательской натуре уже роились многообещающие зачатки литературных замыслов. Только говорить о чём-то конкретном было очень рано: вначале надо бы упорядочить сами зачатки. Единственное, что можно было заявить теперь: будет весьма не простой – многоплановый роман. Вот тут-то и обнаружился камень преткновения. Ведь Вилискунов отчётливо понимал, что пока придётся корпеть над многотомной рукописью ни сил, ни времени, ни дополнительных средств на что-либо иное у него просто не останется.

А под этим «иное» подразумевалось немало: и загорелые девушки, и пенистый прибор, где-нибудь на океанском побережье, да ещё, ещё плюс ещё! Между тем – его получка на заводе, не позволявшая обустроить быт; его комната в коммуналке... А от неперепаханного поля, каким представлялась эпопея прозаического труда, дух захватывало, – поэтому начинающий автор третий месяц медлил с ответом. Немой ответ надолго застыл в пропечённом июньском воздухе. Вилискунова, к тому же, терзали опасения: нужны ли кому-то сейчас столь тяжело-весные опусы.

Тем не менее, поскольку творческий азарт всё больше проникал в кровь молодого литератора, постольку всё активнее блуждали в его голове любопытные отрывки. Интересно, что нынешние события, не имея непосредственного отношения к истории дневников преуспевающего бизнесмена, тоже предстали неким неучтённым предисловием будущих изложений.

С заказчиком «оперы», кому принадлежали все первоисточники, Вилискунова связывали давние, зато не слишком близкие отношения. Во всяком случае, они очень долго (по окончании вуса) не входили в один круг общения. Так что Александр ни разу не афиширо-

вал перед тем коммерсантом своё пристрастие к поэзии – пока лишь хобби. Молодой прозаик ещё не чувствовал в себе достаточной уверенности перед предстоящей работой; тем более, что в школе всем лингвистическим дисциплинам предпочитал точные и естественные науки. Поэтому Вилюскунова сильно удивило, да и насторожило то, что с идеей написать серьёзную книгу обратились именно к нему.

Однако, этот человек, с которым Александра связали литературные обстоятельства, по своей натуре, оказался неисчерпаемым на разные сюрпризы, так – вчерашнее утро началось с внезапной встречи. Впрочем, большое искусство всегда начинается с череды мелких капризных непредсказуемостей – в чём Александр уже убедился!

Глава 2. Завтрак с эклерами.

Привычным маршрутом: через парки и скверы, хранящие в лабиринтах аллей серебристое чудо южного лета – утреннюю прохладу; мимо железной магистрали, обрамлённой рядами пирамидальных тополей и устланной толстым слоем пуха, – Александр направлялся на свой завод. Собираясь пересечь Театральный проспект, он остановился, дабы пропустить роскошную с зеленоватым отливом легковушку.

К немалому ж изумлению Александра, иномарка плавно притормозила прямо перед его носом, и из неё вылез Кирилл Граненков – тот самый бизнесмен, кому принадлежали все материалы для будущей книги.

– Здравус-ствуйте! – от неожиданности комковато выдохнул своё приветствие прозаик так, как если бы он обращался сразу ко всему поколению новых русских, представленному в едином лице.

– Доброе утро! – Невозмутимо, в духе подтянутых – преуспевающих как в делах, так и в личной жизни молодых людей, ответил Кирилл. – Вы – молодчина! Риск-куете стать долгожителем! – зачем-то с двойным нажимом на букву «к», вполне приветливо усмехнувшись, произнёс коммерсант, протягивая руку с некрупным перстнем, для пожатия.

– Увы, нет.... Вряд ли.... – литератор не сразу воспринял добродушный тон, возможно потому, что ещё не совсем пробудился, и начатый день ещё не виделся ему каким-то многообещающим. А возможно, в таком обращении ему послышался двойной, язвительный подтекст.

– Как вдохновение с утра? – продолжил Кирилл.

– Никак. Суета трудовых будней, какое уж тут вдохновение!

– Ага: «томленьё муз не терпит суеты!» – молвил когда-то Александр Сергеевич; – процитировал Кирилл, – однако вы, пока лишь, обыкновенный Александр! Так что – не обессудьте: прошу в салон! Позвольте Вас подвезти! – с наигранной любезностью предложил хозяин автомобиля.

– Бизнесмены начали просить у рабочих?! – уже несколько веселей заметил Саша. – Такая честь?! – выразил он удивление, подразумевая: «С чего бы это?!»

Возникла неприятная пауза.

– Так – давай отбросим классовые придирки! – слегка прищурившись, ответил Кирилл: – Мне действительно – крайне любопытно проехаться с тобой!

– Ладно – не уговаривайте – не отказываюсь! Просто ещё не до конца проснулся. Хотя, если вы полагаете побеседовать о книге – то я ещё не совсем готов к серьёзному диалогу.

– Гумм! – Многозначительно усмехнулся Кирилл: – Садись! Я не непосредственно о книге, но, безусловно, по её поводу. Так как я не только полагаю, но и кое-чем располагаю!

Шикарная машина легко тронулась с места.

– Так. Я вовсе не хочу тебя торопить, – возобновил разговор водитель, – уверен: ты справишься. Таланта у тебя достаточно для такой работы – знаний тоже – вполне! Было б желание!

Кирилл направился вверх по Театральному, однако вскоре опять замер у тротуара.

– Послушай... Да – прости, познакомься с моей новой прекрасной помощницей: Катя!

Только сейчас, обернувшись к широкому заднему сиденью, писатель обнаружил возлежащую на атласных подушках красавицу. В коротеньком эффектном платице девушка пыталась поймать на глянцево-нежной коже розово-шоколадных ног освежающий поток из кондиционера... В общем, Кирилл предоставил Александру полюбоваться своим живым сокровищем в натуральную величину.

– Смотри – да не сглазь! – подковырнул хозяин собеседника, уловив, что у того от сладостного волнения по телу уже пробежали приятные щекотливые мурашки.

– Очень приятно...

Ещё не совсем обнаглевшая от столь влиятельной близости к миллионщику, Катя, ощутив пристрастные взоры мужчин, лишь выразительно вздрогнула сладко сомкнутыми ресницами, – досматривающими лазурные остатки обнадёживающих юных снов. Сей шедевр женского великолепия наглядно демонстрировал тот процесс, когда деловые отношения типа «шеф—подчинённая», либо «босс—преданный работник» неизбежно и стремительно перерастают в новый вид: «покорённый—любимая», «отвоёванный—обожаемая» или: «обольщённый—драгоценная», «охмурённый—бриллиантовая» – и далее по нарастающей к высшей степени поклонения. Юная принцесса уже ни на йоту не опасалась, что её избранник когда-нибудь выпутается из её густых и волнистых тёмно-русых сетей. На то ведь и созданы кем-то на Свете русские богачи, дабы не могли устоять перед таким – ярким телесным совершенством. Ей уже сделалось почти безразличным то; кто обитал возле Кирилла раньше или, может статься, присутствует поблизости ещё и ныне. Для неё было важно знать главное: что она своё место тут застолбила надолго; и быть абсолютно уверенной, что она – чуть раньше, либо чуть-чуть позже – обязательно выхватит свои нескромные гонорары. Ну а ежели наивная жёнушка – да кем бы та дамочка для босса не являлась – вдруг взбеленится из-за присутствия подле супруга восхитительной секретарши; то собирать чемоданы в далёкий путь, по всей вероятности, придётся уже не Катюше... Так, во всяком случае, она теперь, очевидно, думала. В результате всего сказанного, а кроме того и кое-чего многого важного: закадрового и вслух не огласимого, прелестная Екатерина, не отверзая ясных очей, лишь величественно улыбнулась одними уголками спелых губ, отвечая на приветствие Александра.

– Вот вам и стимул к работе! – лукаво подмигнул коммерсант и щёлкнул пальцами. – Чем лучше да скорее напишите, тем быстрее и у вас будет, появится такая какая-нибудь подруга. М-м – каково?!

– Э-э нет! Искусство не спорт – гораздо больше печальных примеров. Больше любви и сочувствия достаётся бронзовым изваяниям.

– Так – пожалуйста, не надо столь мрачно. Столь бесперспективно обобщать. Есть и немало исключений... Послушайте – сейчас ещё рано: вам, на ваш завод, к восьми, а сейчас семь. На моей машине мы успеем за пять минут. Давайте станем где-нибудь возле парка и позавтракаем. Катенька приготовила нам великолепные эклеры, ещё у нас есть свежий, прохладный сок – это очень полезно, после пешей прогулки. Как моя идея – на все триста?!

– Спасибо, я завтракал.

– Так, Саня, перестань выделываться – я не люблю всяких нелепых условностей. Мы с Катюшей очень сильно просим... Так что переходим на «ты» и лады!

Катюша изобразила сочными губками вторую улыбку, нежнее и очаровательнее первой, и поменяла положение открытых ног.

Они затерялись от посторонних глаз на задворках парка Островского, возле полуразвалившегося здания. Катенька наконец-то пробудилась – ибо в ней, в её чарующем облике, ещё теплился образ безвозвратно умирающей секретарши (иначе бы она вообще не поднялась раньше двенадцати).

Верх машины бесшумно исчез где-то сзади, уступая место пьянящей утренней свежести заброшенного парка.

– Катенька! Давай, пожалуйста, завтрак! – Кирилл попытался изобразить на лице строгость начальника, только Катюша чихала на все его гримасы.

Девушка старательно занималась собой, отыскав где-то на коврике между сидений косметичку и зеркальце. Весь мир – особенно её шеф – затаил от восторга дыхание – красавица подводила брови!

– Катюша! Так – позже намажешься! Давай есть!

– Хм! Возьмите! Я вам не жена...

– Ты уже её заместитель.

– Что! Котик – обойдёшься! Это она мой заместитель! – однако, больше спорить не стала. Манипулируя парой кнопок, Катюша вмиг превратила элегантный салон в мини-кафе. Столик. Холодильничек. Свежие эклеры на серебряном подносе. Охлаждённый вишнёвый сок. Симпатичные цветные стеклянные стаканчики.

Старые тополя-переростки сплели надёжный шатёр от жёлтого светила, где-то совсем рядом прижавшего жадные горячие ладони к незащитным, голым перекрёсткам. Только здесь – стена могучих стволов и ветвей поглотила всё чуждое тишине и лёгкой, пьянящей свежести.

– Саня – давай, не стесняйся – мы все свои! – подбодрил хозяин, и, не теряя времени, надкусил ароматный эклер. – Чужих здесь не бывает! Катюшенька, а ты?!

– Не хочу.

– Так – милая, подкрепись, пожалуйста, у нас прорва дел до обеда! – тон речи и движения Кирилла становились всё более решительными и быстрыми, ведь он уже вошёл в свой привычный деловой ритм.

Зазвонил сотик. Кирилл коротко переговорил по-английски. Тем временем Катюша предстала во всём совершенстве: выразительные серые глаза, ресницы, брови, носик, губки, локоны – сказочная картинка, – нитка сверкающего жемчуга плюс к тому две крупные жемчужины в ушках, перстенёк, браслетик...

Кроме всего в правом ушке, за жемчужиной красовалась ещё одна – золотая, серьга с рубином. Именно такую (только без украшений) выбрал русский миллионщик – ясно за что! Она достала коробку «Россия – щедрая душа», и изящными пальчиками положила в ротик ароматную конфетку.

Из маленького, почти игрушечного термоса, Катюша налила себе холодного кофе, заваренного накануне. Девушка ещё заботилась о предстоящем рабочем дне, тем не менее, её заботы становились всё не обременительней, зато выполнялись всё демонстративнее.

Она была хороша. Хотя некоторая неразборчивость в украшениях свидетельствовала о том, что ею не забыто совсем, не безоблачное прошлое дочери постсоветского полуинтеллекта. Теперь же Катюша спешила утолить накопившуюся жажду обладания.

Достав из бардачка ножичек со множеством вставок, Кирилл быстро, вместе с тем аккуратно обрезал ножничками носики пакетов с соком. Александр подметил ту деловую пунктуальность, с какой хозяин машины делал любое дело. Саня тоже был педантичен, только в другой области. Возможно, по этой причине выбор Кирилла пал именно на него – богатые, преуспевающие люди, как правило, ценят свою жизнь, дорожат каждой деталью. А он – скрупулезный писатель – не упустит ни одну мелочь из дневников коммерсанта, каждой даст ход в тексте... «Что ж, значит, работа мне предстоит очень серьёзная!»

– Саша! Подкрепись-ка витаминами, – Кирилл протянул литровую баклажку сока, – Сегодня памятники подождут. Мои симпатии не закаменеют на столетья.

– Дело такое... – снова начал коммерсант: – Как ты завтра? Полагаю, господин писатель – вы свободны, если не считать твоего завода?

– Угу! – кивнул в подтверждение головой начинающий писатель. Он уже освоился в новой компании, даром что одет был заметно скромнее – в потёртые джинсы, и взял с подноса ещё один эклер, украшенный сверху шоколадной корочкой.

– И отлично! Тебе ведь нет особой разницы, где вынашивать свои планы – в холостяцкой квартире, или – простите мне своевольное уточнение: берлоге, – шутиливо заметил Кирилл, – или в ресторанчике на левом берегу нашего славного Батюшки-Дона?

– Хм!? Да, в общем-то ... А что?

– Я хочу пригласить тебя на одну деловую встречу, которая состоится завтра рано утром – Как?

– В принципе, я бы смог... Но зачем?

– Увидишь. Возможно, это имеет живое отношение к моим запискам, может быть это их своеобразное продолжение. Постскриптум или даже вторая серия!

– Ну ладно: сегодня я отдежурю на заводе, а завтра выходной... Куда надо подъехать?

– Не беспокойся, за тобой подъедут. Разумеется, я позаботился! Кстати – нам пора! Доешь эти два эклера – и вперёд!

Глава 3. Странные манёвры в темноте.

Александр Вилискунов, зарабатывал на хлеб в «Лаборатории технических испытаний» (по-простонародному: в «Испыталке») ростовского завода «Элмарс». Некогда сей завод являлся могущественным, засекреченным предприятием, – но к очередному экономическому потрясению из полутораста, не считая начальства, сотрудников одной лишь «Испыталки», в техлаборатории осталось всего восемь, вместе с единственным уцелевшим руководителем – девять... Эти – последние из испытательских могикан, наивно пытались воссоздать основы техпроцесса: выходили на дежурство, умело играли в преферанс под разноцветные конденсаторы и диоды – никому вдруг ненужные, – иногда посматривали на оборудование и; сетуя на новую, пугающую реальность, обратно садились за пулей, – день за днём прячась от агрессивной жестокости молодого российского капитализма за азартом увлекательной игры.

И только для Александра Вилискунова такое положение сулило определённые блага: максимум свободного времени. По этой удобной причине, новоиспеченный прозаик старательно исписывал своими литературными изысками кипы каких-то допотопных бланков. Делая вид, что изучает какие-то технические описания; не жалуясь на мизерную зарплату, – он не пропускал ни одного чистого листка и не обращал внимания на колкие насмешки сослуживцев-преферансистов.

Почти весь день Вилискунов был предоставлен сам себе. Лишь в конце смены его оторвали: в «Испыталку» привезли странные, тщательно запечатанные ящики, многослойно закрытые брезентом. Откинув брезент уже внутри ангара, – вся «Испыталка» представляла собой двухэтажный ангар, – ящики трижды пересчитали и поместили внутри гигантской барокамеры – туда смог бы въехать бортовой «ЗИЛ».

Великолепная, новейшая барокамера считалась предметом особой гордости – по мелочам её не беспокоили. Теперь же суперустановку срочно прочистили, смазали и запустили – забыв на какое-то время любимый преферанс – но всё это исключительно для того, чтобы переместить в неё все ящики и закупорить наглухо, откачав часть воздуха. Вдобавок, сверху приладили дополнительные скобы и четыре амбарных замка с девятизначным секретом... Видимо, "Испыталка" удостоилась чести стать уникальным складом чего-то, чего именно – рядовым служащим предприятия знать не должно!

Однако начинающего прозаика, оставшегося на суточном дежурстве в ангаре лаборатории, подобные события не сильно заинтриговали; поскольку, после сладкого завтрака в «Парке Островского», он твёрдо решил прояснить для себя все вопросы, связанные с намечаемым романом. Ему нужно было набросать хотя бы с дюжину листов, затем перечитать и прикинуть: что же получается, либо не получается....

"Испыталка" стояла в конце завода. Все давно разбежались по домам. Словом, вокруг не осталось ни души. Старенький телевизор в комнате негромко болтал и показывал разную ерунду. Настроив радио на музыкальную волну, Вилискунов решительно засел за рукопись.

Часам к семи вечера Александр израсходовал первый, накопившийся писательный пыл. Закурив из белой пачки "Ростов", в задумчивости он вышел на воздух, за раздвижные ворота лаборатории. Вдруг его охватило смутное беспокойство. Возможно из-за осознания глубокого одиночества! Да ведь он не в первый раз дежурил...

Нет. Совсем наоборот. Тревога появилась из-за подсознательного предчувствия приближения чего-то или кого-то. Александр укрылся за сочной листвой виноградника, карабкающегося на стену ангара по прислонённой решётке. С новой позиции хорошо просматривалась дорога, идущая между производственными зданиями из конца в конец завода. В советские годы пространство вокруг корпусов усердно облагораживалось: засаживалось ухоженными цветниками и палисадниками с беседками и лавочками, где отдыхали в обед рабочие. Сейчас

же всё бурно разрослось, переплелось вьюнками и одичавшими лозами. Розарии везде позаглушал непреступный шиповник. В густых зарослях нашли себе приют бродячие псы и стайки птиц. Но как раз перед "Испыталкой" сохранились площадка и небольшая лужайка, поросшая ещё не сильно высокой амброзией. Одним словом писатель сумел осмотреться.

Быстро смеркалось. Небо уже обнажило самые шустрые звёздочки. Дул легчайший, ничего не значащий ветерок. Весьма обрадованная своей участью июньская зелень кругом посылала кому-то многозначительные колдовские шорохи.

Вдруг в зарослях взвыло несколько собак, и, через пару мгновений, Александр заметил странный, немного вытянутый предмет, выплывший из-за крон на уровне четвёртого этажа. Он неторопливо летел, скорее даже плыл, вдоль цехов, как бы вглядываясь сквозь высокие, закопчённые давно минувшими ударными пятилетками окна.

– За последнее время в журналах напечатали немало статей об НЛО?! В основном утвердительных, почти доказывающих, – подумалось вслух Александру. – Почему-то лишь пара очерков разоблачительных! ...

Он постарался вспомнить, что же там утверждалось: плоды нездорового воображения плюс обман зрения.

– Ясно – досочинялся сказочник... Ну как в дешёвом анекдоте: хотели про летучих марсиан – получайте! – подумал вслух прозаик, скрупулезно изучая появившийся аппарат: обтекаемый, малоприметный, почти бесцветный корпус, скорее всего из углепластика. В его основании плоский треугольник с несколько видоизменёнными боковыми лепестками, несомненно, выполнял функцию видоизменённого крыла. Сверху на треугольное монокрыло опирался эллиптический купол фюзеляжа; за ним торчало два горизонтальных руля и располагались мощные двигатели для разгона этой необычной машины. Сейчас они были выключены, ибо агрегат зависал над землёй, благодаря ещё какой-то – принципиально новой движущей силе.

Не обращая внимания на лай собак, объект продолжил своё маневрирование вокруг цехов. Александр решил поменять место своей дислокации и незаметно юркнул в приоткрытые ворота, здесь он притаился за железной опорой возле окна.

Вокруг, под днищем аппарата мигнул фиолетовый огонёк – сомнений больше не осталось: объект прилетел сюда наблюдать. Но что?! Может, его запустила охрана завода? Может это связано с ящиками, хранящимися в барокамере? Нет – пожалуй, охранники тут не причём – они бы осматривали в основном периметр территории... Кто-то изучает наше, позабытое Богами, заведение. Но, за чем понадобилось обследовать фактически разваленное предприятие? Да ещё при помощи такого уникального, значит – очень дорогостоящего аппарата.

Неприветливый объект подлетал к лаборатории. Вилискунов юркнул за вторые, внутренние, ворота и наглухо заблокировал их засовами; потом задёрнул тяжёлый прорезиненный пол, не пропускающий излучений. "Испыталка" являлась важной частью некогда военного завода, так что любые внештатные случаи, казалось, были предусмотрены, тем не менее, сердце учащённо забило в ожидании. Вскоре с той стороны послышалось лёгкое, но напряжённое и одновременно неприветливое урчание, столь характерное для устройств, чьё функционирование основано на применении мощных электромагнитных сил. Александр осторожно заглянул в щель: аппарат-разведчик проник за приоткрытые въездные ворота и теперь обозревал внутренние. Однако их ему явно не проскочить, ибо мощность его тяговых двигателей, на вид, не позволяла нести сколько-нибудь существенное вооружение. Скорее всего, этот лазутчик ограничится внешним изучением обстановки – не предпримет слишком резких действий. Эта догадка немного успокоила Вилискунова. Вряд ли увиденное сегодня хотя бы в одной из комнат двухэтажного ангара могла привести на мысль о том, что здесь что-либо создается. Весь мыслительный процесс сотрудников лаборатории ограничен узкими рамками преферанса или кроссвордов...

За окнами, многие из которых остались открыты на ночь, было уже темно, однако луч прожектора от летающего треугольника не прорезал мглу надвигающейся ночи. Он не хотел привлекать к себе внимание. Значит, он вёл съёмку в инфракрасном излучении. Аппарат, по всей вероятности, непрерывно общается через радиоэфир с недостижимым наблюдателем и пилотом... И если он узреет тепловые потоки, идущие от вакуумных насосов гигантской барокамеры – то, что он может вообразить, а затем предпринять? Надо было как-то помешать разведчику! "Да!" – вспомнил Александр, – "Ведь тут имеется специальная система для создания радиоэлектронных помех. В подвале – в хорошо оборудованном мини-бомбоубежище".

Прикрываясь за корпусами установок и станков, чтобы его нельзя было заметить из окон; Александр прошмыгнул к заветной бронированной двери. Смахнув добротную пыль с приборов – самых надёжных и внушительных в мире под знаком "Сделано в СССР", он торопливо настроил шумовой генератор. Через пятнадцать минут, когда установка нагрелась – оглушительный электромагнитный поток, из обрывков самых разных сигналов, взбудоражил окружающий эфир. Дезориентированный беспилотный аппарат заметался из стороны в сторону, потом попытался проникнуть в ангар через распахнутое окно. Вдруг на все проёмы надвинулись прочные – отнюдь не декоративные жалюзи, управляемые из подвала, в котором сидел Александр. Озадаченно помигав телеглазом, летающий треугольник побарахтался в воздухе, восстанавливая ориентацию, затем медленно удалился восвояси.

Выключив разогревшуюся аппаратуру, Вилискунов в нерешительности снова сел в кресло оператора: произошедшее, казалось дерзкой, но бессмысленной шуткой. Кому-то понадобилось осмотреть завод, который уже ничего не производил?

– Вот если бы произошедшее было как-либо связано с моими литературными замыслами?! Тогда бы... Но всё равно – никто не поверит! ...

Глава 4. Последние тайны ростовских трущоб.

– Ну что? Побрели по хатам... Или ещё по кружечке? – спросил Константин Хафшин.

– Не знаю – что-то ничего не хочется... – вяло ответил Андрей.

– Ну, тогда – я ещё!

– Так что ты вдруг вспомнил? – вернулся к разговору старлей, отхлебнув душистой пены с аппетитного тёмного пива: – Люблю тёмное, – простодушно признался он.

– Ты был прав: это связано с историей нашего края.

– Весьма любопытно?!

– Ещё при брежневщине, во Дворце пионеров, располагался наш кружок... Сам знаешь: в те годы действовали разные следопыты, поисковики. Ездили по боевым местам, разыскивали полуразрушенные доты, откапывали блиндажи, засыпанные окопы и всякое такое. Пацаны ведь – интересно. Рисовали себе в уме, а потом многие и на бумаге, картины минувших битв. Отец у меня – отставной майор, самоходными орудиями командовал. Многого не выслужил, квартиру в Ростове... Однако, патриот неисправимый: вся хата и сейчас завалена книгами по истории Русской Армии. Ну, и я пристрастился разглядывать эскизы орудий, самоходок – читать про них восторженные очерки. Потом поступил в тот кружок. И лишь здесь я узнал, что история – к счастью, не только войны. Мне раньше и в голову не приходило, что обычные вещицы, пережив свою эпоху, могут рассказать обо многом. – Андрей сухо кашлянул и продолжил: Когда в семидесятые...

– На, прихлебни, – Константин взял другу ещё пива и солёные фисташки – видимо приготовился слушать длинный рассказ.

– Когда взялись перестраивать центр нашего города, снося старые трущобы; на развалинах стали попадаться разные интересные штуковины. Что только не хранили ниши в толстых стенах и тайники в полах. Нас – из кружка – постепенно приобщили к работе с Краеведческим музеем по изучению предметов старины.

– Понятно и, и-и?

– И – я сдал экзамены в девятый, и мы сидели в своей комнате во Дворце – чертили схему маршрута на лето. Вдруг звонок – на стройке музтеатра – что на Кировском...

– Знаю!

– Там нашли некую шкатулку. Конечно, нам не очень хотелось пиликать по жарюке, мы уже метили гурьбой на донской пляж. Да и руководитель наш не особо рвался ехать. Но в Краеведческом настояли, – людей у них вечно не хватало: зарплаты там низкие... Ну а летом тем более: все старались вообще разъехаться, лишь бы подальше от города: на раскопки: второй отпуск для нищего советского интеллигента – у реки, с гитарой; да и не бесплатно, вроде как. Короче – мы с руководителем попёрлись. Ну и – ларец-то действительно – вещь примечательная Он и сейчас в хранилище музея. А вот внутри – лежали обычные сувениры. Какая досада! Отбросить в сторону приятные освежительные планы на реке, мчаться через город в душном троллейбусе, где дерматиновые сиденья хуже сковороды! А ради чего?! Вдруг, один рабочий, якобы нашедший ларец – воскликнул: «Это не те вещицы!» Но прораб не дал ему высказаться, зашипел на мужика – потом всё замяли. Тогда я толком ничего не понял, но случай врезался мне в память, и, уже студентом, я часто спрашивал себя – кто мог додуматься положить в такой ларец затрапезные безделушки, да ещё запрятать их в тайник в стене на несколько десятков лет?!

– Постой – тебя заслушаешься. Ещё пива придётся взять.

– Не надо – лопнем. Давай просто покурим.

– Покурим, – согласился старлей, – а ты продолжай – я очень внимательно слушаю! – Вскоре я сам стал ездить на объекты, тогда мне многое прояснилось. Ведь на стройке суще-

ствует разграничение полномочий – так сказать – собственный табель о рангах: эти копают, те – монтируют. Понятно, что те, кто копают, чаще других что-либо и находят. Словом, мне повезло ещё не раз повстречаться с теми работягами, – Андрей помолчал, собираясь с мыслями.

– Что же они на сей раз отрыли?

– Захоронение сарматов – пятый век до нашей эры!

– Круто!

– Да. Сарматы оставили после себя много интересных памятников. Но этот оказался особенно важным именно для системного исследования – для сравнения разных этапов развития кочевых племён. Поступив в аспирантуру, я начал потихоньку втягиваться в историю Донского края. Я привык в любой работе всегда доходить до самой сути. Прежде чем написать хорошую монографию о том либо ином историческом явлении, нужно как следует «познакомиться» с объектом. Порыться в архивах, переговорить с местными старожилами сделать коллекцию графики и снимков, зафиксировать всё хоть чуть-чуть интересное – чтобы понять, как выглядел этот район раньше, – надо произвести настоящую фотосессию. Так я стал изучать хронику постройки Вознесенского Войскового собора и создания Триумфальных арок в Новочеркасске, узнал, почему их именно две, о том, какие легенды о них сложены... К моему горькому удивлению, оказалось, что у нас катастрофически не хватает достоверной информации, я постоянно сталкивался с серьёзными расхождениями в предпосылках и причинах возникновения того либо иного действия или события. Честное слово, «дедуктивными» методами, чудом, удавалось докапываться до истины. Огромное количество фактов замалчивалось, упоминалось вскользь или интерпретировалось таким образом, что наше сегодняшнее представление об истории, зачастую, имеет очень мало общего с действительностью. В ходе углубленного погружения в исторические источники оказалось, что в Ростовской области есть огромное количество объектов, о которых никто ничего толком не знает: скалы, пещеры, городища! Ростов почти целиком стоит на древних городищах! Например, на границе Ростова и Аксая находится Кобяковское городище, народ его называет Кобякова балка. Это место получило мистическую популярность благодаря любителям всего сверхъестественного, которые рассказывают всякие ужастики. Жутковатые небылицы о том, что там якобы находится кавказский вход в царство Аида и что там живёт Кобяков монстр: «кобяк» на тюркских языках – «собака». Может то донской родственник знаменитого цербера? Но наиболее смелые уверяют, что именно оттуда 2000 лет назад загадочным образом выпрыгнули прекрасные кони полубожественных воительниц – самих Амазонок. Уникальнейший по своей исторической ценности объект. Там такое наслоение культур, что даже дух захватывает! Кто на Кобяковке, только не оставил следов: и казаки, и меоты... Если спуститься вниз встать на бетонную площадку, рядом с железнодорожными путями, в этом месте оползень обнажил четырёх метровый культурный слой, в котором торчат кости рыб, черепки, слои углей, собачьи черепа. И подземные пустоты там есть, почти 100 лет назад обвалилась земля, и там нашли старообрядческое захоронение... К сожалению, Кобякова балка полностью разрушена: на западном холме Кобяковки, вместо меотского некрополя, теперь стоит гипермаркет.

– На Кавказ всех, как на мёд манит – кого-то боговать, кого-то воевать! Просто какая-то аномалия! – невесело заметил Константин.

– И... В восьмидесятые, на Западном, на окраине города взялись возводить мощный птицекомплекс. Громадный объект – понятно – ударный. Больше двадцати цехов надо было отгрохать к ближайшему партсъезду. ... Начали рыть – вдруг человеческие кости: захоронение. Мы: я и ещё трое аспирантов – стали расчищать, а строительство, конечно, пока остановили. Тогда я и убедился в том, что прокоммуняцкие прорабы, в похожих случаях, делали всё возможное, дабы не звонить в музей. Они больше атомной войны боялись сорвать графики, показатели темпов и всякое такое. А представителей гуманитарных наук считали злейшими паразитами на теле социализма...

– Который сами же изо всех сил растаскивали по дачкам! – вставил Константин. – Извини, Андрюха – перебил, продолжай, пожалуйста.

– Так оно и на сей раз вышло: нам тайком позвонил сварщик – Борис Шефитов. И он, представь себе, оказался как раз из той бригады; в которой на музтеатре, почти десять лет назад, нашли тот таинственный ларец.

– Так у тебя уже настоящий, солидный детектив – Андрюха! – заметил слушатель.

– Пожалуй – может когда-нибудь, и сподоблюсь – напишу. Я беседовал несколько раз с тем Борисом; так он тоже – твёрдо убеждён в том, что содержимое ларца ловко подменили! Лишь бы не остановили работы. Да и чтоб не делиться с ними... Проще говоря: начальство всё себе захапало.

– Хе-хек! «А ларчик просто открывался» – слишком «просто»! Хотелось бы мне взглянуть на истинное содержимое загадочного ларчика!

– Увы – кого теперь найдешь? Только и осталось Крылова цитировать!

– Понятно... Ну а сарматы что?

– Сарматов-то, слава Богу, мы откопали. Правда сокровищ в современном гламурном понимании: золота или серебра, – у них не было. Античные кочевники находились на более ранней стадии развития. Тем не менее – повторю – для науки находка представляла огромный интерес. Утварь из камня и обожжённой глины, бусинки на щиколотках у знати, тоже из красивых камешков и раковин – свидетельствовали о навыке обработки подобных природных материалов и ещё о существовании внутриплеменной иерархии. Давали информацию об некоторых особенностях языческих верований. Главное же: многие кости, уцелевшие после бульдозера, имели чёткие зазубринки и царапины, некоторые оказались даже разрезанными или срезанными. Такое почти всегда свидетельствует о ранении людей отточенными металлическими предметами. Оружием с закалёнными металлическими наконечниками, то есть из высоколегированной стали! По всей вероятности, сарматы испытали военное притеснение от более развитых народностей. Скорее всего, я полагаю, они столкнулись с малочисленным, но хорошо организованным и вооружённым племенем – в противном случае порабощение или истребление сарматов произошло бы стремительно и повсеместно. А тут пострадали в основном приазовские поселения.

Андрей отхлебнул пива.

– Ты уже разгадал – что же с ними произошло?

– Всё не так просто. Примерно в тот же период в наши пределы должны были перебраться так называемые амазонки. Очень мало изученное племя, с ярко выраженным доминированием женщин. Появление их оказалось большой неожиданностью для местных поселенцев во всём северном Причерноморье. Да и по сей день остается загадкой для многих исследователей. Обычно значительному и столь быстрому переселению кого-либо предшествует какое-то серьёзное потрясение: природный катаклизм, военный конфликт. Женщинам трудно было доминировать в то время, когда вокруг Средиземного и Чёрного морей шло быстрое развитие рабовладельческих государств, непрерывно вспыхивали захватнические войны ради порабощения соседей. Но амазонки, словно из неоткуда, возникли где-то в долинах среди вершин Кавказского хребта, почти сразу же обучились передовым для того времени технологиям изготовления особых металлических сплавов и по очень точной обработке изделий из них. И на короткий – по историческим меркам – отрезок времени резко изменили расклад сил к северу от гор. Однако они не стали расширять границы своих завоеваний, а наоборот: предпочли достаточно быстро раствориться среди местных народностей – в основном кочевых скифов. И отчасти сарматов, которые многие века до нашей эры соседствовали со скифами и соперничали с ними за право хозяйствовать в долине Дона. Возможно, именно это породнение с искусными воительницами помогло степным кочевникам почти шесть – семь столетий господствовать на этих богатых землях. В 512 году до рождества Христа из Назарета, скифы смогли

противостоять полчищам персидского царя Дария I, покорившего Египет, и даже обосновать столь развитое Скифское государство.

– Короче – кавказские бабы, спустившись с гор, захомутали донских мужиков! – пошутил Хафшин.

– Амазонки были искусными воинами, ловкими наездницами – красивы и неплохо образованы для того времени: имели познания в медицине, географии и природоведении. Не зря греки сложили восхитительные легенды в честь полубожественных нимф-воительниц... Они достаточно легко могли бы покорить всю новую территорию, потеснив или поработив часть кочевников и прочно обосноваться и в тёплом Крыму – и на богатой земле Приазовья. Странно, что они окончательно не утвердили здесь своё полное господство, а лишь основали небольшие города-государства, немного повоевали с греками, мечтавшими закрепиться в этих краях, – а затем и вовсе исчезли. Амазонки почему-то не захотели и дальше утвердить свою независимость, они постарались буквально за одно историческое мгновение раствориться в местных сообществах, слиться со скифами. Быстрота появления и исчезновения, породила такое количество легенд. Одно несомненно: эти мифы приукрасили историю грекам да и нашему краю, стали сюжетами для прекрасной античной литературы и основой многих сказаний. Ведь народная Душа, живущая в разных мифах, приданиях или былинах о минувших столетиях, которые трудно как подтвердить, так и полностью опровергнуть, – часто имеет собственную историю и порой совсем безразлична к скучным научным фактам! Только, именно она позволяет любой нации гордиться собой и без заискивания смотреть на окружающий мир.

– Да... Тебя слушаешься. Обидно, что даром столько сил отдано науке и бестолку!

– Увы... Чего уже – мы целую державу развалили! За одно историческое мгновение – так же, как амазонки порвали со своей независимостью от мужчин.

– Только – какое это всё имеет отношение к завтрашнему миллионщику? Он что – по антиквару работает? Музейные экспонаты перепродаёт?!

– Если бы я знал на «чём» этот тип работает – давно бы уже наручники ему б приладил. Зато знаю: завтра у него встреча с одним ювелиром! Тоже тёмная лошадка! Я наводил кое-какие справки.

– Понятно! Я думаю: наш толстосум другого прижать хочет. С нашей же помощью... Своих головорезов ему почему-то не хватает! Возможно, не хочет сразу в разборки ввязываться. Думает, мы за него будем расхлёбывать его гадости.

– Ручки холёные марасть не хочет!

– Дело – гораздо серьёзнее, Андрей. Я вспомнил: года два или больше назад – ты ещё не работал в органах – неподалёку от аэропорта произошло дерзкое, как в американском боевике, убийство. Богатенький директор крупной ювелирной фирмы был изрешечён пулями в собственной «Волге». Вероятно – та драма ещё не закончилась: в ювелирном бизнесе постоянно кто-то кому-то мешает!

– Ну-у, слишком богатые ювелиры на советских авто не ездят!

– Ха-ха! Много ты о них знаешь! Ездят – мой дорогой – когда прижмут! У него около полудюжины разных тачек – было... Я полагаю, что эту он взял для маскировки. «Волга» у него в запаснике стояла: чего-то опасался – при нём нашли пистолет, ехал он к аэровокзалу окольным маршрутом. Однако – это его не спасло.

– По-моему проще было б броневик купить.

– Возможно... Только – опоздал ты со своими советами! У него был билет на самолёт до Москвы, а в столице назначена важная встреча, которая – видимо – должна была уладить споры за влияние в Ростове. Он не доехал каких-то ста метров до поворота в аэропорт

– Убийц, конечно, не нашли?

– Плохо ты о нас думаешь! Нашли – без особого труда: два обгорелых трупа во взорванном «Мерседесе». Их определили по типу оружия, которым они засадили в ювелира восемь

пуль! Не считая контрольных выстрелов. Один из них бывший чернобылец – потерявший всякий интерес к бабам, обменяв их на героин, – второй боксёр, обиженный тренером, который увёл у него подругу. Словом парни решительные – были... Хотя, не профессионально работали: оставили массу улик, опера уже вычислили их, готовили перехват.

– За то их и порешили!

– Конечно – они представляли убийную машину единовременного – разового действия. – Подтвердил Константин и продолжил, после коротенькой паузы:

– А вот другие киллеры – пиротехники – действительно суперпрофессионалы! Убрали тех парней при помощи специально сделанного чемоданчика с двойным дном. Сверху лежали аккуратненькие пачки баксов – очень качественные фальшивки – кстати. А вот под ними – ещё более искусная радио бомба с инфракрасным взрывателем! Джеймсу Бонду – лишь мечтать о такой игрушечке!

– Но ведь это зацепка! Такую в сарайчике с кондачка не слепишь!

– Конечно! Только знаешь, Андрей, сколько бывших военных заводов теперь разорено благодаря «успешной» конверсии? Там тебе любую блоху перекуют заново! Людям жить-то надо на что-то! В одном Ростове таких: «Алмаз», «Элмарс», «Горизонт», «Аметист»!

– «Гранит»... Список впечатляет! Ты прав! Эх – Костя, наши правители обеспечили криминал первоклассной техбазой, а у нас обычных раций не хватает! А ещё грозимся поймать кого-то...

– Хотел бы я взглянуть, что творится на этих заводах?

– А ведь я живу прямо напротив такого: «Рубина», – заметил Андрей Трелуцкий, – вроде бы тишина за забором!

– Тишина очень часто бывает обманчива – сам знаешь...

– А ведь в радиоэлементах есть и серебро и платина!

– Вот то-то! Ювелиры здесь где-то и окопались! И не только! Мы предприняли кое-что год назад: на базе почти любого бывшего советского предприятия повыврасталось множество мелких коммерческих фирмочек. Начальство их прикрывает всеми способами. А охраняются они – будь здоров – и мордоротами из спортшкол, и натасканными сверхтерьерами, и нашими бывшими коллегами... От них ты хрен чё выведешь!

– Предатели...

– Бог им судья – жрать хочется всем...

Два друга не спеша вышли из зелёной калитки и остановились на 13-й Линии. Константин Хафшин о чём-то задумался:

– Ну что? Побрели? – нерешительно предложил он.

– Побрели...

– Тебе на Театральный?

– Сначала на Театральный, потом до Крепостного почти!

– На трамвае?

– Ты что? Я лучше по свежему воздуху, вечером – прогуляюсь.

– Отлично – и я пойду с тобой до проспекта: думаю на вечерний рынок заглянуть. Жена кой-чего прикупить просила... Послушай! А ты не попытался расспросить того – сварщика: что же он видел в том ларце?

– Кость, я тогда не в милиции работал! Однако, Шефитов очевидно сам догадался мне рассказать...

– Ну и?!

– Здесь-то самая главная загадка и кроется! В ларце, если работяги не сильно приукрашивают, лежала визитная карточка тех самых Амазонок.

– Что?!

– Ну – это образно: у египтян – пирамиды...

– Вот где и как – оказывается, круги сходятся! То – что отличает амазонок от всех прочих доисторических племён! Я в начале верно заподозрил, что ты мне всю эту эпопею не ради шуток принялся рассказывать!

– Именно: историческая деталь, выраженная в предмете культа или быта, впервые применённом именно этим племенем или народом, – пояснил Андрей и продолжил: – Амазонки очень мало изучены. Кроме древнегреческих сказаний у нас фактически ничего нет о них. А у греков всё обильно приукрашено – это всё равно, если изучать историю Франции по романам Дюма. Тем не менее, эти легенды передают художественный образ – преобразованную словом Духовную суть того общества и той эпохи. А визитной карточкой Амазонок являются искусные миниатюрные статуэтки либо изображения диковинных животных, – возможно также идеализированные фантазией умельцев. Но вот в чём и заключается неразрешённая до сих пор загадка древних воительниц – ибо поклонение мифическим культовым творениям больше свойственно для первобытных племён, с простыми представлениями об окружающем мире. В то же время все статуэтки выполнены из драгоценных металлов или сплавов с использованием уникальных для той эпохи методов обработки: очень точной обработки с применением сложных химических реагентов.

– Понятно: тайна на тайне. Ну, кто же мог похитить эти сокровища? По мнению Шефитова?

– Костя – я думаю, что сейф, стоящий в бытовке на стройке, не так уж сложно открыть!

– С одной стороны ты прав: кто угодно – вроде бы? Однако – если поразмыслить попридирчивей, то круг явных подозреваемых резко сужается! Андрей – подумай! Сейф не был взломан, вместе с тем – для работы с отмычкой требуются и хороший навык, и запас времени! У постороннего «гостя» в чужой бытовке его-то никак не было: в сейфе хранятся расходные сметы по материалам, запчастям и топливу для техники! На стройке музтеатра было задействовано не менее десятка разных тракторов! Да такие документы, для прораба и начальника участка, дороже любых сокровищ! Значит несгорающий ящик, почти на все девяносто девять процентов, открыл ключом кто-то из «своих». В кабинет к начальнику никто из трудяг не вломится – кваску попить! И главное: вспомни – ларец вовсе не похитили! Подменено содержимое, а для такой операции нужен непростой жулик: шулер, эдакий не реализовавшийся фокусник – то есть человек с фантазией! Бульдозеристы тут явно ни при чём – для бронетанковых здесь слишком тонкие манёвры. Если бы они сами взялись за дело – от бытовки б мало что осталось...

– Наилучшая возможность была у прораба – неоспоримый факт, – согласился младший лейтенант, – Мне «посчастливилось» познакомиться с ним – сарматы нас друг другу на птицекомплексе и представили!

– И что?

– Имени, как и фамилии, сейчас не вспомню, хотя они у меня были где-то записаны. На стройке к нему все обращались весьма уважительно: Саныч! Сегодня ему уже, наверное, что-то около шестидесяти. Интересный, я тебе доложу, типчик! С виду такой добродушенький простачок, но на деле – далеко не лыком шит! Знает хорошо – где, что, почём?

– Встретил нас на своём объекте с «распростёртыми объятиями», – продолжал Андрей, – но я слышал – метрах в двадцати стоял – когда он отчитывал того сварщика за звонок в музей. Пыль столбом аж до звёзд поднялась! Потом как-то...

Приезжали мы на работу рано: по холодку копали. И он спозаранку тут как тут крутится. Всё кружит по объекту – все закоулки обнюхает. Потом и говорит мне: «На дачу мою, таких бы копальщиков – огород взрыхлить некому. Жаль, никто не догадался схоронить там пару чудиков, чтобы вам поковыряться!» С сарказмом дедок! Уверенный в себе, на всех смотрящий немного свысока, мог быть резок даже с вышестоящими. У него даже появилось любопытное прозвище: Барон. Но с работягами был на равных, любил поиграть в домино, только за глаза

мужики на стройке поговаривали, что он не ладит со своей супругой, даже боится её, вот и убегает из дому, пока она не проснулась...

Константин перебил его:

– Посмотреть бы на его дачу, да подсчитать: сколько туда материалов со строек вывезено?

Тогда бы он больше не гримасничал!

– Вот, вот! И в нашем случае: объект был закрыт – пока мы работали. Однако, материалы завозились в избытке – гружёные «Мазы» приезжали и уезжали непрерывно! Точно эта стройка превратилась на время в перевалочно-сортировочную базу. Но – что мы сможем поделывать теперь?

– Вряд ли он теперь отказался от прежних методов «строительства»!

– Конечно... Он быстро смекнул, сколько стоит содержимое ларца, – вернулся к прерванной теме Андрей, – так что предпочёл самому решать его дальнейшую судьбу! Ну а с «лихими танкистами-машинистами» чё нянькаться? Двадцатипятирублёвки Брежневской им хватит...

Прораб прекрасно понимал – не первый год в такой системе вертелся, – через вышестоящие головы работяги не перелезут, а ближайшее начальство – хорошо его знает, поэтому без острой причины – из-за каких-то кладов серебряных – на обострение отношений не пойдёт. В эпоху дачного бума – каждый кирпичик на персональном учёте! Они всегда смогут договориться между собой... Зато мы с ними – большущий вопрос?!

– Именно...

– Но перепрягать весь ларец Санюч не решился, ибо слишком многие его видели. В результате смекнул, что самое верное выставить тех «танкистов» в ослах – а археологи не станут докапываться до истины: рыться в чужих заморочках... Всё это я уже не раз обдумывал, только разве что-то изменишь?

– Если бы...

– Костя – всё равно они не сознаются! Факт! Доказательств – нет. Нам нечем их прижать!

– Да... И ещё – вдруг вспомнил: тогда, в "Волге" ювелира – мне запало в мозг любопытное обстоятельство. Сумочка убитой секретарши была вытрусена на пол: ей под ноги – типичная имитация ограбления! Но, что особо интересно убийцы – для непонятого куража – в углу приборной панели губной помадой жертвы намалевали три крупных бабочки! Ну, как эмблема "АО МММ"!

– "МММ"?

– Именно!

– А вы опознали трупы из сожжённого "Мерса"? Многие бандиты очень тщеславны?

– Ты имеешь в виду три буквы "М"? Да – фамилия старшего из киллеров начиналась на *эм* – Молотиллов. Здоровенный тип – даже выхватив дозу в Чернобыле – физическое здоровье его не оставило. Зубы вышибал в поножовщинах лихо! Возможно, и второго прозвали как-нибудь на "*мэ*" – Мэпэрэсэтэ! Однако третья буква? Никаких ассоциаций...

– Но убийство мог совершить молодой – обозлённый и окозлённый, своей подругой, боксёр – и он захотел подразнить нас – мол: все менты – дебилы, вроде Лёни Голубкова?

– Ха... Не фантазируй – Андрюха! Не похоже, чтобы эти урки начали бабочек рисовать женской помадой! Такое в пору какому-нибудь артисту, наподобие известного Моисеева, только не таким отморозкам!

– Но... М-Моисеев – ещё одно "М"?!

– Ладно, оставим – уже поздно.

Глава 5. Столик с шампанским в «Радуге».

Завершая мысленный экскурс в минувший день, Александр отодвинул опустевшую вазочку из-под мороженого и рассеянно огляделся по сторонам. «Что ж, возможно понадобится пролог?» – он попытался представить себе структуру будущей книги, в результате получилось нечто очень рельефное. Это настораживало: краткость-то сестра таланта, а не рельефность... Тогда он осмотрелся ещё раз – более внимательно: творческий человек, чем бы ни был занят, не должен полностью уходить в свои фантазии.

На Ростов-на-Дону милый и жизнелюбивый, плавно опустился вечер. За ажурной, радужно окрашенной, оградой кафе потемнели аллеи сквера; мозаично золотились листья лип и каштанов в лучах фонарей. Благородные псины, выведенные на прогулку, плескались в фонтане у памятника Кирову.

«А ведь когда-то здесь возвышался большой храм. Бабушка рассказывала... – неизвестно почему вспомнил Вилискунов, – Храм взорвали. На его месте поставили памятник с фонтаном, а рядом это кафе. А, напротив, через проспект, снесли целый квартал и начали возводить музыкальный театр. Может оно и замечательно, только театр напротив храма смотрелся бы лучше». Железобетонный скелет будущего театра сиротливо выглядывал из-за шаткого забора с выгоревшими афишами и наляпистой рекламой. Громады башенных кранов безжизненно застыли и местами уже подёрнулись ржавчиной.

За длинным столом по соседству шумно отмечали чей-то день рождения: лёгкий ветерок соблазнительно размахивал запахами дорогих вин и закусок. Чуть далее двое «новых русских» с хорошенькими дамочками смаковали ликёры и ломтики ананаса; рядом же о чём-то болтала молодая пара, уплетая пахучий острый шашлык из овальной фаянсовой тарелки. Оркестр «Радуги» из двух захмелевших уже маэстро брэнчал какую-то ныне популярную дребедень, под их вопиющий аккомпанемент нафальшивливая симпатичная девчушка в полупрозрачном серебристом наряде, с цепочкой тигрового глаза на загорелой груди. Её движения были очень эффектны, хотя и не слишком грациозны и уже не всегда попадали в такт, тем не менее – улыбка всё компенсировала. Окружающие вполне довольствовались такой жизнью и старались не замечать разных, пачкающих впечатление от вечера, мелочей, – а также кучки бомжей выклянчивающих подавание у состоятельных горожан...

Обстановка в целом банальная.

Но вот, благодаря внутреннему наитию, внимание Александра привлекла одна танцующая пара. Женщину, кружившую по площадке, между столиками и эстрадой, молодую особу – сложно было назвать бесспорной суперкрасавицей с обложки. Вполне обыкновенная для юга внешность: миловидная, с осветлёнными волосами, – соответствующая, в достаточной мере, внутреннему миру; выдаваемому напоказ для не слишком наблюдательных окружающих. Очень не плохо одетая – достаточно образованная и воспитанная и, на первый взгляд, внушающая доверие – располагающая к себе. Однако в её быстрых, раскованных движениях и выразительных позах; в мимолётных взглядах, какие она ловко разбрасывала вокруг; угадывались те характерные штрихи к портрету, каковые вполне красноречиво свидетельствуют о присутствии особой женской природы – симпатичная змейка. Подобные ей – никогда своего не упустят! Хотя – это, может быть, и совсем не плохо. В паренке, на первый взгляд, тоже не замечалось чего-либо особенного, кроме жгучей жадности денег и любовных приключений. Но в отношении, проэлектризованном между телами танцующих; в атмосфере, наионизованной вокруг них и выдававшей себя благодаря еле уловимым деталям микро мимики либо тщётным попыткам завязать объяснительный диалог, – во всём этом улавливалась старательно скрываема интрига. По крайней мере, так показалось Вилискунову со своего места. Сильная интрига – всепоглощающая, уничтожающая массу живых нервов и литры свежей молодой крови. Такая интрига,

обычно, порождается внезапной пульсирующей ослепляющей ревностью одного и лёгким, но устойчивым пренебрежением со стороны другой...

Неспешно допивая ликёр, Александр стал незаметно наблюдать: «Откуда могли бы выйти на танец он и она? Скорее всего, они, вне танца, сидят за разными столиками». Пройдясь взором по залу – по открытой площадке кафе – Вилискунов обнаружил столик на двоих возле пальмы, растущей из декоративной глиняной кадучки. Там скучал некто в салатной шведке, своим видом в какой-то мере соответствовавший выплясывавшему сейчас пареньку. «Возможно он его приятель», – второе место под пальмой явно временно пустовало. Вместе с тем специфическая халастякующая развязность, витавшая здесь над початой внушительной бутылкой портвейна «777», – сильно возмущалась присутствию воображаемой дамы. Между тем, салатная шведка украдкой, но это не трудно было заметить, приглядывала за танцующими. И... Имелся ещё столик на двоих...

– Извините, у вас не занято? – приятный немного взволнованный голос, отвлёт начинающего литератора от увлекательного занятия.

– А? Простите! Да! Конечно, садитесь, – подле уединённого «писательского» уголка нежданно возникла незнакомка. Не юное ослепительное совершенство, тем не менее, очень приятно выглядевшая особа – эдакая немножко проанглийская, немножко профранцузская леди с южным русским акцентом в характере. Обычно, так на юге одевались симпатичные, знающие себе цену, девушки, перебравшиеся в Ростов-на-Дону из сельской глубинки и не имеющие щедрых, богатых спонсоров.

Белая кофточка чуть-чуть просвечивала – привлекательное тело, ничего лишнего, и полоска белоснежных кружев, где надо. Чёрные удобные, уже разношенные туфельки, для долгой ходьбы; лёгкая, полувоздушная юбка. Крашенные природной хной волосы подобраны под милую заколочку на затылке, изящные, пусть не дорогие, белые клипсы на мочках... Александр не сразу оторвался – что-то в ней есть! Она источала лёгкие, но уверенные волны, обещающие – если присмотреться – выдержанное, как классный коньяк, глубоко пронизывающее удовольствие от близкого общения.

Женщина поставила на край столика – щедро выделенный ей пишущим хозяином – чашку горячего кофе («В такую-то жару!» – отметил дотошный Вилискунов) и скромный запотевший бокальчик с бренди – пятьдесят капель для бодрости. «Наверное, у незнакомки выпал нелёгкий денёк. Интересно... Любопытно... Впрочем, стоит ли лезть в душу? Пожалуй, она не расположена к обильному общению», – подумал начинающий ваятель пером.

Дама бросила неопределённый взгляд на открытую тетрабочку и не, спеша, выпила бренди. В её поведении улавливалась настороженность.

Не желая смущать внезапную соседку непрошеным вниманием, писатель вернулся к прерванному наблюдению за танцующей парой. Откинувшись на спинку стульчика, он ещё раз осторожно профильтровал глазами столики в зале: постарался скрытно присмотреться к посетителям кафе. «Вот где сидит она – партнёрша горобалетмейстера!» – Александр усмехнулся с сарказмом.

В самом центре площадки обнаружился ещё один столик на двоих, несимметрично пустовавший. Чтобы увидеть его из-за спин отдыхающих, Александру пришлось чуть нагнуться в сторону. «Несимметричное» пристанище для двоих украшали бутылки разных изысканных напитков, горделиво возвышалась, точно предводительница своеобразного бутылочного строя, пузатая посуда-бочонок с охлаждённым шампанским. Из-за этого «частокола» сиротливо выглядывал букетик осенних тёмно-красных хризантем в большой жестяной банке из-под пива. Подобные букетики приносила в кафе некая, шустрая дамочка, не сдающаяся годам. И наиболее ретивые ухажёры, – не вставая с мест облюбованных, могли купить их для своих примадонн; несмотря на то, что у услужливого бармена не всегда подыскивались достойные вазы. Ничтожная оплошность для маэстро в столь благодатном уголке отдыха среди

суеты огромного города. «Этот тоже для своей подруги с цветочками!» – подумал Вилискунов. – «Однако он, пожалуй, очень странен рядом с этой особой?! Очень странен! С симпатичной и улыбчивой коблочкой!»

За столиком с красными цветами и шампанским, спиной к будущему автору сидел, не подозревая о слежке; низенький, полноватый, уже лысеющий мужчина. В немодной сегодня безрукавке сеточкой – он ведь ничем не привлекателен! Максимальное несоответствие напомаженной, подведённой по журнальному эталону кокетке. И всё-таки – по версии Александра – светлокудрая дама могла выйти именно отсюда. «Хм?! Начинается самое интересное: бесплатный спектакль в летнем кафе! Кто он?» – позволил себе пофантазировать придиричивый зритель: – «Чрезмерно блюстителный папаша, – заигравшийся в роль оберегителя целомудренности, снедаемый искушением подсматривать в щелочку за сладострастной дочерью, да и безотчётно ревнующий её ко всему свету сразу. Или это новый русский толстосум – какой-нибудь постсоветский завскладом, внезапно разбогатевший и решивший погулять перед отходом в лучший мир?.. И то, и другое, по-моему, сомнительно – сей тип – большая загадка!»

«Ну а парень, что вертится, будто ужаленный, перед коварной красоткой, – каков его портрет? Простодушный романтик? «Фома, без ключа и квартиры...» – пришли на ум слова из известной песни: – «С разбитым сердцем, тщётно вызывает к ответным чувствам своего почти белокурого божества «с бездонными» очами, вечно жаждущими бриллиантов и натуральных мехов», – поиронизировал Саня: «Классический любовный треугольник, точно на заказ – просто садись, покупай мороженого, чтобы до утра хватило, и пиши, пиши, пиши!»

Когда же оркестр угомонился, собрав всю подать с поклонников эстрадных шлягеров; версия Александра подтвердилась полностью. И дама, и бесквартирный Фома, с ней танцевавший, были именно из-за тех столиков, что он и предположил. Однако, в то время как паренёк, насупившись, уткнулся носом в столешницу перед ним, его недавняя партнёрша, держа в ладонях бокал с шампанским, поигрывая им возле искусно напомаженных губ, принялась оживлённо болтать с лысеющим «папашей». И тема их разговора вряд ли касалась кого-то или чего-то определённого. «Фома» старался не глядеть в сторону своей бывшей попутчицы по танцу, но как только музыка вновь оживилась, он тотчас направился к молодой красотке из-за столика с шампанским. Та опять не отказала, а мужчина в безрукавке, вероятно, не протестовал; и воссоединившаяся пара закружились под плавную мелодию; а усадые веточки виноградной лозы, шатром настилавшей своды кафе и свисавшей местами живыми гирляндами, замаячили в такт движениям. Многопалые лапки пальмы в кадучке тоже не остались в стороне и сдержанно приветствовали сближение двух молодых людей. В этот миг из-под виноградных хитросплетений осторожно выглянули изящные многоцветные фонарики, в силу чего все предметы окутались в интимные тени и блики. Лишь осенние алые хризантемы в неудобной банке своими лохматыми шапками выражали полное безучастие к данному событию. Разделявшая с ними судьбу стареющая безрукавка, вроде бы, с безразличием уткнулась в свой бокал, но и веселья она явно не источала.

Подобное любовно-драматическое явление регулярно повторялось с новыми пиками музыкальной активности оркестра и певицы, «Фома» ещё и ещё раз подходил к беспечной даме и приглашал, а та совсем не отвергала. Только хризантемы хранили холодное равнодушие и были неизменно правы – ибо танцоры неизменно возвращались каждый к своему столику. Интригующее действие стало привлекать внимание уже не одного писателя. Почувствовав чужие, липкие взгляды, парень порозовел, мужчина всё сильнее утыкался в плоскость своего стола. Атмосфера всё больше ионизировалась. И лишь светловолосая змейка вела себя как ни в чём не бывало: восторженно и легко улыбалась как Фоме, так и лысоватому господину. Словом, умело действовала сразу на два фронта.

Запахло дымом...

Приготовили свежий шашлык.

– Саша, здесь не любовный треугольник. Скорее всего, вы ошибаетесь. Эту компанию сильно связывает какой-то коммерческий, скорее всего, денежный интерес... Мне кажется, что всё это разыгрывается специально.

Поняв, что оторопевший Вилискунов не сразу придумает, что ответить; интересная незнакомка, недавно подсевшая за «писательский» столик; решила представиться: Валерия – не удивляйтесь! Я очень сильно училась экстрасенсорике, закончила курс белой магии, немного занимаюсь психоаналитикой.

– Что?! Простите!

– Я – экстрасенс психоаналитик... Чему вы так удивляетесь?! В наше время!

– Простите – вы меня знаете?!

– Да нет же! Саша, я вижу вас, скорее всего, впервые! Я же говорю: я – экстрасенс, психолог-психоаналитик.

– Ух ты! Ах ты! Все мы космонавты! Весёленькая абракадабра получилась!

– Так уж, скорее всего.

– Скорее всего: да уж! Приехали – господа присяжные заседатели! И посему – поэтому, вы тёмными вечерами копаетесь в чужих мыслях.

– Ты занимался практически тем же! Да и, скорее всего, кто сейчас очень уж сильно без греха! А?!

– Да видимо есть ещё такие, раз конец Света не пришёл ещё...

– Нет – это длительный очень, скорее всего, процесс. И он ещё не закончился.

– И есть надежда, что не закончится?

– Надежда, скорее всего, есть всегда.

– Как же это у Вас, интересно, получается?

– От каждого человека пахнет, так или иначе, мыслями, скорее всего, это лучи его микрокосма.

Саня придержал язык и, прервав бесцельный спор, повнимательнее пригляделся к необычной соседке по столу. «Нынче мне удивительно везёт на сюжеты: вчера с утра были приключения с эротикой (Саша вспомнил про Катю с оголёнными ногами) потом разыгралась кафешная мелодрама, но тут уже и мистика подоспела с детективом в придачу. Целый калейдоскоп!» – усмехнулся про себя начинающий романист. – «Странная цепь для одних суток?! А если всё... Каламбур – эта идея похожа на неплохой винегрет! Видимо проголодался – шашлык классно пахнет – соблазняет!»

– Вы сердитесь?! Я хотела вам помочь, вы ведь собираете очень нужную, скорее всего, информацию! Я хотела...

– Да, да – хотели как лучше, а получилось: «так уж, скорее всего», – передразнил Александр незнакомку – Валерию. «Если же всё каким-либо образом скомпоновать», – продолжил он рассуждения, – «то получится... получится что-то в смысле триллера. Раньше текла жизнь, словно река – проза; потом потекла драма; ныне – триллер! Всё круче и круче! Вот болото...»

– Всё круче и круче! Скорее всего. Болото... – теперь уже передразнивать взялась Валерия.

– Не повторяйте и без того банальные мысли. Вернёмся лучше к собранию полезной информации – Валерия-Шерлок Холмс! – «А она весьма недурна и интересна...»

– Информация очень сильно плохая! Скорее всего, случится нехоршее. Тёмные круги. Над тем парнем сильно сгустилось зло.

– Жаль! Он неплохо танцует... Но может всё обойдётся: Бог даст!

– Даст – всем по заслугам.

– Ну – хоть не так обидно, раз по заслугам...

– Вы верующая?

– Да, но не крещёная. Но разве мало грехов делали крещёные?

– Извините – я не интересовался! Да и не станем затевать новый многочасовой спор. Нет, нет. Я спорить с вами не буду. Уже поздно... Скажите лучше, что можно сделать для того несчастного парня?

– Скорее всего, ничего!

– Послушайте – я хочу купить ещё ликёра. Угостить вас ликёром?

– Хорошо. Угости, пожалуйста.

– Мы – на «ты»?

– Да... скорее всего.

«Она не слишком улыбочива, зато и не ломается – "скорее всего"», – заметил Александр: – Тогда я мигом...

Тут, Вилискунов ещё не успел отойти, Валерию попытались пригласить на танец. «Чего доброго и мне предстоит играть роль третьего лишнего», – мелькнуло в голове у Александра. Однако экстрасенс-психоаналитик твёрдо, даже немного нервно, отказала.

– Правильно, – поддержал молодой литератор, – держите пост наблюдения, а я щас!

– Я пока покурю.

– Да?! Вы к-курите? Уже словно м-матёрая ведьма! Все эти: экстрасексы, разные там психо-экстра-анализы – это всё для вас, скорее всего, уже просто с-семечки! Сильно! Ничего не скажешь! – Александр немного подурачился, перевирая слова.

Леди лишь неопределённо, чисто по-русски, пожала плечами и величаво откинулась на спинку стула.

Вилискунов подошёл к окошку продавца, дабы сделать заказы: творческий азарт, обильно подогретый свежими впечатлениями, и требовал дополнительных белков и аминокислот.

Неожиданно, точно не желая отставать от начинающего литератора, господин из-за столика в центре тоже встал и устремился к противоположному окошку прилавка, откуда торговали шашлыками и солёными закусками. Он проследовал мимо Александра, по понятным причинам задержавшегося возле симпатичной продавщицы, наливавшей ему кофе. Под кружевным белым фартучком просвечивало немного каких-то лоскутков, а остальное – звало и манило! Плюс к тому под белоснежным чепчиком чудесно вихрились ласковые пшеничные пряди, а ослепительная улыбка зачаровывала и расслабляла перегруженные за день нервы. Внимательная девушка, несмотря на обилие клиентов, через амбразуру прилавка успела заметить несколько необычное поведение одного из посетителей. Ведь не каждый день в кафе заходят для того, чтобы пописать! И когда тот индивид заглянул в её отдел прилавка, польщённый её улыбкой, она не преминула поинтересоваться: кто есть такой? «Так, некий чудак», – шутливо ответил молодой графоман: «Изобрёл для себя бесплатный рецептик от скуки...» Несмотря на пылкую дискуссию у прилавка, привыкший всё запоминать Александр, краем глаза зафиксировал, что лысоватый в безрукавке, возвращаясь на своё место, пронёс полновесный дымящийся шампур на овальном блюде вазочку с острой приправой.

Вдруг, Валерия поднялась из-за столика и быстро направилась к выходу. «О – чёрт! Да она приревновала меня к юной и очаровательной барвуменше! Видимо я с ней заболтался!» – воскликнул в душе Александр; тем более что заказ, ставший теперь ненужным, отменить было уже нельзя. «Может угостить эту – с пшеничными локонами? Однако – «не хватйтесь за чужие талии, вырвавшись из рук своих подруг!» – вспомнил он слова из полюбившейся песни Владимира Высоцкого.

Когда же Вилискунов вернулся на свой, печально осиротевший, «дозорный пост»; музыка успела завершить очередной цикл активности, и невезучливый танцор, вновь расставшись с партнёршей, покинул площадку кафе. Его приятель остался в одиночестве под пальмой в кадучке, печально помахивавшей разлапистыми листьями... Решив, что мелодрама уже доказалась до своей неизбежности, Александр погрузился в рассуждения о завтрашнем дне, обещавшем любопытное приключение. Кирилл Граненков, насколько был наслышан о нём Алек-

сандр, обладал мёртвой хваткой уверенного в себе предпринимателя. От него не ускользало ни одно мало-мальски выгодное дело. Официально он считался хозяином огромного комплекса по оказанию услуг автосервиса. И везде, где бы ни появлялись филиалы его фирм, дальше всё двигалось, неукротимо расширяясь, и развивалось с особым масштабом. Этот саблезубый хищник вгрызался в дело, словно рыба-пила в свою добычу, и расчеты пока ещё не обманывали его ожидания в выигрыше.

Ловок! С таким опасно сталкиваться на кривой дорожке! «Теперь ему понадобилась книга о себе любимом, а меня хочет преподнести миру, словно я взращённый им орёл? А может ему и этого мало? Что же он задумал?» – пытался предугадать Вилискунов, в глубине сердца не доверяя Граненкову: «Хочет сделать мне подарок, вместо глупенькой красавицы Лидии? Которую, фактически, он отбил у меня, так, кстати, и не женившись на ней впоследствии? У него целое море других таких же глупеньких и красивых. Хотя может то и к лучшему, да и придал ли он такое значение тому событию... Ладно – завтра кое-что определится».

В этот момент магическую тишину южной летней ночи взорвал женский крик, отразившийся леденящими мурашками на теле и отчаянным эхом от каменных громад соседних со сквером кварталов, с яростью взиравших на всё высвеченными глазницами верхних этажей. Начинаящий писатель далеко не сразу очнулся из оцепенения. Когда же он посмотрел в сторону крика, то увидел, что толпа собирается возле закоулка аллеи в глубине сквера. Там лежало, обильно истекая кровью, тело парня – его осветили фонариком – так и не успевшего достучаться до сердца светловолосой кокетки... Вилискунов подошёл к месту трагедии: у корней старого клёна валялся окровавленный шампур.

Тут на улице Суворова, примыкающей к данной части сквера, раздался ужасный визг покрышек, проворачивающихся на мягком асфальте. Светлая «Девятка» пыталась сразу – развернуться и набрать скорость. От слишком резкого рывка распахнулась передняя дверца, и белокурая кокетка едва не вывалилась, пытаясь её захлопнуть. Лысоватый, вероятно, сидел за рулём машины. Однако, следом также завизжала голубая «пятёрка» – в ней угадывался, мелькнувший на мгновение в потоке лучей из фар, силуэт друга убитого.

Вскоре на проспекте, видневшемся сквозь сквер, послышался вой сирен. Толпа зевак поторопилась рассосаться, опасаясь длительных расспросов в залитых колючим светом кабинетах, с обессилившими за день жужжащими кондиционерами. Но Вилискунов остался допить свой кофе.

Глава 6. Ростовские сюрпризы.

*

По центральному проспекту почти безостановочно двигались на встречу друг другу, точно в диковинном карнавале две гирлянды-ленты из разноцветных навороченных супермарков. Зажиточные ростовчане торопились насладиться впечатлениями южного летнего вечера, присущими только ему тоненькими гранями обманчиво-сладостного очарования. Обласканные владельцами суперляльки с апломбом подваливали к роскошным фасадам казино, саун или клубов.

– Ну – тебе налево – мне направо.

Несмотря на поздний час, на Нахичеванском рынке было очень оживлённо. Поскольку не смолкая работал «вечерний базар» – ещё более обильный, чем дневной. Имелись бы гроши – остальное дело техники! Вечером не существует никаких запретов!

Хафшин подошёл к лотку с птицей. За ним, покачиваясь из стороны в сторону, стояла рослая, но весьма неплохо сложенная женщина, лет под сорок или – на сколько выглядит. ... Её фигура и внешность совсем не утратили бы своей привлекательности, если бы не нагловатая физиономия базарной торговки, и если бы она могла уверенней держаться на ногах. Подавив в себе накотивший ком отвращения, не обращая ни на кого внимания, Константин принялся выбирать среди «ножек Буша», дабы не слишком синюшные, но и чтобы уложиться в наличные деньги.

– Чё ты ё лапашь?! – дыхнув перегарищем отборного самогона, бухнула торговка и едва не перевернулась вместе со всеми зарубленными птицами через прилавок.

– Я выбираю. – Стараясь сдержаться, ответил не громко старлей.

– Они все одинаковы-я!

– Да не совсем, – наши приазовские к-курочки п-получше – сочнее, хотя и дороже. – Слегка заикаясь, заметил Константин. Он не в силах был сломить свою почти природную интеллигентность, вчерашнего школяра пятерочника, даже когда внутри всё уже кипело от справедливого негодования, перерастающего в гнев.

– Какие там наши – оны уже попередохли! Башку меня морочишь – мент...

– Не ори! Пьянь! Послушать тебя, так и все куры у нас везде передохли, как в «Роковых яйцах» Булгаковских.

– Какие тебе яйца – козёл легавый! – баба явно не имела ни малейшего представления об произведениях Булгакова.

– Да ты что: очумела, алкашка, – Константин чувствовал, что не сдержится.

Однако, на шум, из углов рынка уже подтягивались бритоголовые и щетинистые качки: спецхрана рынка, внештатные торговые сотрудники на суперокладе. У них руки постоянно чешутся до мордобоя: сегодня свернут тебе челюсть; а завтра никого из них тут не найдёшь. Константин опешил – что делать?

А алкогольчка распухарилась пуше, чувствуя свою безнаказанность со стороны закона:

– Да пошёл ты – мусор хренов!

– Как ты смеешь? Ничтожество!

Положение спас здоровенный амбал с длинной сигарой в зубах и толстыми платиновыми печатками чуть ли не на каждом пальце. По всей вероятности он являлся одним из властелинов в торгашеском мире:

– Заглохни – Швинья! – рыкнул он на пьяную, и тут же отвесил сокрушительный удар ногой в живот. Толстая задохнулась на полуслове и покатила под прилавок, обливая всё рвотой.

– Туфли мне не испачь! Мразь – убью! – убедительно предупредил её амбал, потом повернулся к лейтенанту: – Не обращай внимания, дорохой! – на лице верзилы – сигару он так и не вынимал – промелькнуло подобие улыбки. – Опять нажралась поськуда. У неё старший синок на Коллиме уже тьри года отдыхает. Позавчера весточку прислал, что шрок добавили зя побег. Не стоит обращать вниманья на всяких урёдовь. – Хозяин явно не торопился обострять отношения с товарищами в форме – мало ли что; – Что тебе? Курку? На вот.

Он быстро отобрал лучшую приазовскую птицу и одним хватком всей лапищи забросил в целлофановый пакет сразу три тушки: – На – это от меня!

Властелин, всё так же поигрывая сигарой в зубах, протянул ему объёмистый куль.

Константин ещё не совсем пришёл в себя, поэтому не понял: как ему надо отреагировать в такой ситуации. Ярость ещё не улеглась – он готов был разорвать и разметать... Однако, дома его ждала дочь. Вокруг маячили натасканные словно бульдоги бритоголовые качки в перво-классных лёгких костюмах – явно прикрывающих пистолеты, очевидно телохранители Хозяина. С этим мафиози ему в одиночку не справиться, да и что он сможет предъявить?! В сотый раз Константин ощутил дряблкое бессилие закона против подобных верзил с перстнями. Усмиряя в себе гнев, Хафшин полез было в карман, только нахичеванский мафиози предупредил его движения, снисходительно качнув длинной сигарой:

– Слушай, оставь швою мелочщ! Это – сюрприз: сегодня у нас большой шкидка дия друзей!

Константин намерился уже с вызовом швырнуть деньги на прилавок, вдруг почувствовал упадок душевной и физической энергии в себе. А Хозяин, выплюнув окуроч, уже поднёс ему ещё один кулёк с конфетами да мармеладками:

– Дорогой – это скромный подарок жене! Заходи в гости!

Только лейтенант предпочёл бы – провалиться сквозь землю. А Хозяину уже поднесли новую сигару...

**

Андрей Трелуцкий свернул в неосвещённую улицу, ведущую к его дому. Родная пяти-этажка уже виднелась справа, метрах в восьмидесяти. А слева, на два квартала, потянулись вереницы гаражей, обнесённые палисадником. Разноцветные металлические или кирпичные домики для четырёхколёсных квартиранток расположились в тени разросшихся крон в несколько рядов. В передних – имелись удобные проезды и проходы к задним. Андрей дошёл уже почти до середины, – неожиданно из ближайшего проезда, еле-еле угадывавшегося в густой темноте, послышались подпитые голоса и беспечный, даже немного глуповатый девичий смех. И также внезапно он оборвался, а вместо него возник сдавленный шёпот:

– Тише вы – легавые!

– Да что нам легавые! Уж посидеть нельзя спокойно после работы! – громко ответил девице более смелый парень.

– Н-ну их! По-любому до чего-нибудь дободаются – весь кайф обломают.

– А мы ж не на игле?! Так – винца выпили и только!

– Их по-любому не убедишь!

– Пусть воротил всяких ловят: те уже всё разграбили!

– Ага! У нас – кто миллиарды стибзил – тот депутат иль министр! А кто трёшку случайно подобрал – того в кутузку!

– Депутатов менты сами боятся – там автики! По-любому!

– А тут гавтики – простых пацанов хапают ни за что!

– Да пусть только сунутся – у меня братуха афганец, вэдэвэшник! Стену кулачиной прошибает! Мы на новый год такое...

– Постой, да это ведь Андрюха со второго – кажется – этажа. То ж мне – мента нашли! – влез в разговор третий их товарищ.

– Так и есть: Андрюшка! Давно его не видела, думала, он уже переехал куда. – Приободрилась девица: – Я ведь с ним в одном классе шесть лет почти просидела! Чуть ли не за одной партой!

– Щас на нарах столько же отсидишь! – вдруг злобно шепотнул какой-то тип в углу.

– Да брось ты! – отмахнулась красотка. – Он мне стишки любовные писал, нормальный парень! Андрюша, ментуша-поэтуша – Люду Овсееву не забыл? Иди сюда! Дай фуражечку примерить моднячую! – кокетничая, позвала она.

– Наклеп ты его зовёшь?! – с хрипотцой зашипел тип из угла.

– Потанцевать захотелось! – огрызнулась кокетка.

– Щас ты у меня потанцуешь! – пригрозил хрипловатый полушёпотом.

Тем не менее, Людмила никак не отреагировала – она слыла подругой авторитета двора, так что прочие пацаны её не трогали.

Ускорив шаг, Андрей попытался проскочить мимо. Только, Людмила не привыкла получать от интересных ей мужчин, тогда красотка позвала настойчивее:

– Андрей! Ты что – обиделся, или стесняешься? Иди к нам!

– Подойди, господин-начальник – поздоровайся хоть с народом, пообщайся с пацанвой! – добавил тот, кто был посмелее и кто заявлял про брата-афганца. В нём-то Андрей узнал второго своего одноклассника и приятеля с детства: Толяна – бравирующего литой фигурой культуриста плюс нарочитой мужественностью.

Толян-то и считался неоспоримым лидером двора, эдаким вальяжным полубарином из постсоветской спортшколы. Царь местного зверинца стоял на страже своих владений – вот почему Людмила пренебрегла угрозами хрипловатого. Интересно, что и сам «царёк» высказался, по сути, наперерез тому типу – вероятно, дабы подчеркнуть – кто здесь хозяин!

– Мне рано вставать, я с утра ещё не приседал...

– Вот и расслабься в обществе! Здесь все свои – чужих не держим по-любому!

– Да он брезгует нами! – с наигранным недовольством рубанул Толян: – Боится засветиться с алкашами...

– А мы не алкаши! – обиженно возразил бессменный дружок культуриста, получивший меткую кликуху: Сундук, – немного трусоватый Санчо-Панса дворового богатыря.

– Это он – так думает...

– Ничего я не думаю: я слишком устал!

– Мы тоже не баклуши околачивали, хотя и безработными числимся. Вот – фуры разгружали, по семьдесят и по восемьдесят тонн! Расслабиться имеем право?

– По-любому!

– Имеете, конечно, а я вам ничего и не говорю.

– Ладно. Не желаешь с нами выпить – тогда вали баеньки.

– Мент – он и есть мент, – снова злобно шепотнул хриплый голос, который Андрей никак не мог вспомнить, что с ним случалось крайне редко – память у него была натренированной и цепкой.

– Чего с ним баланды травить! – продолжал голос приглушённо.

Младший лейтенант незаметно, в темноте попытался приглядеться к этому типу. Убого одетый крепыш, явно не из благополучных слоёв, видимо сидельный... Однако – каковые слои ныне можно считать вполне благополучными, да и сколько в стране осталось людей ни разу не приступивших закона. Сегодня блатной шансон громыхает по внутренним динамикам в любом трамвае либо троллейбусе – благо за энергию не платить.

– Что хоть вы пьёте? – поинтересовался Трелуцкий.

– Портвейн! Хозяин склада угостил.

– А в ларьке он на сколько тянет?

– Пару червонцев.

Андрей порылся в карманах.

– Ого! Андрюха угощает! – с беззлобной ухмылкой воскликнул Толян. Он не испытывал особой злобы к блюстителям правопорядка, ведь они его не сильно беспокоили, взирая сквозь пальцы на случаи мордобоя. Им сейчас было просто не до таких, как Толян.

– Да ладно – Андрюха, оставь. Мы банкуем! – снисходительно бросил дворовой царёк. – Мы нежадные. Давай – за наше здоровье!

Андрею протянули стакан и печенье в кулёчке.

– Ну, будем...

Чуть позже последовал второй тост.

– Уже стемнело – щас припрутся... – тихо заметил хриплый, который всё время почти неподвижно сидел на корточках в узком проёме между двумя гаражами так; что Трелуцкому не удавалось подробно разглядеть его внешность.

– Ладно – Андрей-воробей, закурить дашь?

– Конечно! – лейтенант протянул полпачки «Нашей Марки» и, как бы машинально, немного нагнулся к сидящему, дабы его угостить.

– У меня свои! – сухо отрезал тот и слегка отвернулся.

Тогда Андрей отдал сигареты Толяну:

– На, угощайся!

– Ну давай! Ну, братан – нам, пора по домам, – в рифму сообщил местный царёк, – видак пора смотреть: у меня новая кассета с Чаком Норрисом. Хошь после тебе подкину глянуть?

– Конечно! После как-нибудь встретимся. – Согласился Андрей, лишь бы продлить разговор. – А я тебе новое секс-видео, вчера зампоста таможни знакомый подогнал. Им контрабандисты вместо ксивы подсутили. – Присочинил легенду лейтенант, на ходу из воздуха, с тем, чтобы больше втереться в доверие к этой подозрительной пятёрке.

Тем не менее, компания стала собираться, лишь хриловатый пока ещё сидел. Выпили на посошок, вопреки тому, что оставалась ещё полбутылки.

– Хорошее у вас винцо! – похвалили лейтенант, возвращая стакан и печенье.

Только разговора дальше никто не поддержал. Трелуцкий почувствовал, что у заинтересовавшей его компании наметилось какое-то любопытное дело. Скорее всего, тип в проёме что-то замыслил и подбил на это простоватого Толяна. Одна Людмила, судя по всему, ничего не знала о готовящемся и продолжала глуповатую болтовню с Андреем; вероятно, хотела заставить поревновать своего любовника. А может он ей уже наскучил? Теперь она проверяет – осторожными намёками – моральную прочность младшего офицера милиции.

– Ладно – до завтра! – Андрей направился в сторону дома, делая вид, что захмелел от портвейна. Зато, заходя за угол, он осторожно обернулся. «Братаны» докончили портвейн и впятером двинулись вдоль линии гаражей. Остановились, закурили по сигарете и побрели неспеша дальше по направлению к Крепостному переулку.

– Да ну вас всех к чёрту! – махнул рукой Андрей и пошёл своей дорогой.

Смело нырнув в непроглядную темень своего подъезда, Андрей по привычке без труда отыскал родную дверь на втором этаже и почти бесшумно отворил её ключом.

Вся семья была в сборе, хотя каждый занимался своим делом. Эти несколько минут перед сном, оставшиеся от рабочего дня, каждый мечтает посвятить личным шалостям или пристрастиям. Стихают любые перепалки – ведь все стремятся максимально насладиться получасиком, отведённым исключительно для себя самого. Во всей квартире воцарилась уютная тишина, прерываемая лишь какими-то сюрреальными отголосками и отзвуками, вырывающимися то ли из телеэфира, то ли из каких-то музыкальных устройств.

Мягкая предночная тишина в старом – давно обжитом людьми и животными с их непостоянными характерами и причудами, доме оживляет безобидные образы сказок детства. Делает полужримыми, полуосязаемыми многие острые фрагменты прошлого, позволяя по-новому

прочувствовать их когда-то неуловимую суть. Предоставляет редкий шанс постичь то, что окружающий Мир состоит не только из расчетливого сознания плюс реального вещества материи – так полюбившихся материалистам; но и ещё из переменчивой, непостоянной одухотворённой субстанции, которая растворяется вокруг во всём. В домашней тишине позднего вечера неожиданно начинаешь улавливать закулисную сторону многих привычных вещей.

«Когда-то моя бабушка говорила мне: в каждом дне или ночи обязательно наступает такая минутка, когда можно загадать любое желание и оно непременно сбудется. Важно лишь каждому не упустить свою такую минутку да правильно загадать и произнести вслух или про себя своё пожелание...» – вспомнил Андрей. Осторожно переступив порог, Андрей замер у входа, ощущая, как понемногу спадает напряжение дня. Мать ещё копошилась на кухне, делая какие-то заготовки на завтра. Она первой увидела сына.

– Почему ты так долго?

– Задержался... Работы много.

– Хм! Больно заработался – от тебя сильно па-ахнет спиртным?!

– Да. Мы выпили совсем немного пива с Костей. Старлеем – ну я тебе рассказывал: участковый, как и я, мой сосед по участку, хороший товарищ...

– Вот-вот: собутыльник!

– Мама! Что ты говоришь?! Костя – замечательный парень! Человек интеллигентный, порядочный.

– Да, конечно: все начинают понемногу. В компании пьяниц все друзья хорошие – подливают, а потом...

– Мама! Ты сильно преувеличиваешь! Мы взрослые мужики и держим всё под контролем.

– Да, да! Все именно так и говорят...

Андрей впервые с откровенным сочувствием посмотрел на мать: маленькая, вечно чем-то озабоченная, никогда не улыбающаяся, – беспомощно взирающая на реалии современного мира. Она всё ещё жила в атмосфере, созданной для неё принципами её отца – яростного коммунара семнадцатого... Мать работала учительницей математики в школе Андрея. За щуплость и малый росточек остряки, ещё в институте, прозвали её Мышкой; плюс ко всему фамилия ей от отчима досталась как нарочно соответствующая: Мышакина. В школе прозвище закрепилось за ней навечно, а появившегося здесь же Андрея, естественно, тотчас окрестили Мышонком. Вероятно, этот фактор снизил симпатии подростка к математике, зато приблизил к Истории...

Андрей знал, что его перемена в профессии не обрадовала никого из его аляпатриотической родни: неожиданно для всех мышонок-историк превратился в офицера милиции. В настоящий момент у окружающих уже закончился лёгкий шок от случившегося, теперь они могли выразить своё отношение к тому более конкретно. Ведь теперь в России сотрудников милиции боялись разве что дети в песочнице, у большинства россиян непредвиденные соприкосновения с блюстителями правопорядка, вызывали лишь досаду за потраченное время и раздражение. У всех на слуху держались громкие имена районных авторитетов – гарантов соблюдения междворовой конституции. Так что младший лейтенант, насупившись, жевал ещё тёплую вермишель на шкварках с луком вприкуску с ливерной колбасой; погружаясь во всё более мрачные мысли под монотонность материнских сетований. Он уже не раз подумывал о том, чтобы снять где-нибудь комнатёнку, только милицейская получка не слишком превосходила «финансовую истерику для постсоветского историка» – так Андрей окрестил свою получку на предыдущей работе. Поэтому молодому офицеру всё чаще доводилось коротать ночи в дежурке либо на своём опорном пункте, на составленных в ряд стульях плюс стопке старых газет вместо подушки. Это негативно отражалось на его службе, поскольку участковому всё время приходится крутиться перед людьми: он в любой час должен быть выглажен, выбрит, свеж.

Об этом ему как раз и талдычила мать, зато совсем с иной целью:

– Андрюша – ты весь прокурен, па-ахнут носки, одежда замята и я...

– Мама – я же весь день на ногах, а форменных шведок всего три! Из них одна – белая – парадная, некаждодневная. Когда мне их стирать?!

– У тебя миллион других рубашек!

– Ты прекрасно знаешь: мне положено быть в форме.

– Эх, Андрюша! Я давно тебе хотела сказать, что мне не нравится, что ты выбрал эту... работу. Ты стал совершенно другим: грубым, озлобленным. Может лучше тебе вернуться в музей?

– Ни за что! Я не вернусь. На эту нищенскую финансовую истерику для историка лишь ноги протянешь! Пошли они!

– Вот! Ты уже стал выражаться...

– Прости. Вырвалось.

– Тебе пора остепениться. Завести семью.

– На какие такие шиши?

– Но остальные как-то...

– Я так не сумею!

– Звонила Степанида. Спрашивала о тебе.

– О! Боже! Она мне ещё в музее осточ... надоела!

– Ты – уже не можешь не выражаться!

– Извини ещё раз!

– По-моему, Степанида Крикотова порядочная женщина – хорошо бы о тебе заботилась, сынок.

«Старая дева – чёрт бы её подрал!» – Выругался про себя Андрей:

– Мама! Крикотова мне не нравится. Я не смогу с ней ни одной секунды выдержать! Её занудные стишки с вечными осенними листьями – плачь заживо погребённых! Ладно – я пойду отдохну. Завтра меня не буди, я сам встану.

– Андрей ты должен задуматься о своём будущем: у Крикотовой двухкомнатная квартира в хорошем районе.

– Ой – лучше жить на вокзале – с бомжами!

– Ты упря-амый! – от волнения мать стала немного заикаться. – Андрей! Я не смогу всё время тебя обслуживать! У тебя есть младша-ая сестра – её тоже надо определить! Чтобы ей не пришлось на вокза-але...

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, только завтра.

– Ты что? Не идёшь на работу?

– Иду. Но мне предстоит поездка на левый берег. Предстоит серьёзное дело: связано с драгоценностями, – Андрей надеялся повысить свой престиж в глазах матери, но понял, что лишь добавил ей переживаний.

– Дурак! За золото убьют не глядя! Не мог отказаться? Они же тебя подставляют – как мишень! Как приманку!

– Да что ты – там ничего такого...

– Ой! Я знаю всё! Какой ты наивный! – Мышка покачала головой: – Они тебя сразу из автомата – тук! И всё. Всё!

– Мама! Не накручивай себя, – Андрей почувствовал, что спор может затянуться за полночь.

Всё это время в зале отец, по какому-то из каналов, смотрел последние новости вперемешку с рекламой. Причём если шли новости, то их сопровождал трёх ярусный поток ругательств в адрес новых властей, а если вклинивалась реклама – то проклятья обрушивались на головы всех торгашей.

Младшая сестра Аня, видимо, читала в дальней, третьей комнате. Её не было слышно. Лишь изредка она осмеливалась урезонивать чрезмерно бурные возмущения отца: Папуля – тише! Не ругайся...

– Не могу сдержаться! Сколько можно терпеть всю эту галиматью! – оправдывался отец, но немного стихал. Потом всё повторялось снова и снова. Отставной майор Советской армии тяжело переживал всё происходящее в этом переменчивом мире.

Тем не менее, когда возник спор на кухне, – оба (и отец, и дочь) стали машинально прислушиваться. Кто невольно – с лёгкой, но нарастающей тревогой: кто – умышленно: с нарастающим ожесточением. Аня не вытерпела первой: встала, взяла плеер и надела наушники. А вот отец – встал и двинулся на кухню.

– Дай мне попить! – обратился он к жене.

Мельком встретившись взглядом с отцом, Андрей с ужасом понял, что пришёл сегодня не во время: что-то у них с отцом теперь не клеилось?! Андрей, по оставшейся с детства привычке, поспешил навстречу с добрым приветствием, – вероятно и оно уже оказалось не своевременным:

– Здравствуй, папа!

– Будь здоров – мент поганый! – презрительно бросил тот в ответ.

Андрей на минуту потерял дар речи и побледнел как снег:

– Зачем ты так?!

– Прислужник жулья и хамья!

– Андрюша! – лишь тихо всхлипнула мать, не смея возразить хозяину в доме.

Андрей ничего уже не слышал. Он пулей вырвался из обрушившейся на грудь духоты «павлиньего» дома в ночную свежесть.

Остановившись под козырьком подъезда, Андрей закурил, глубоко затягиваясь приятным дымком крепкого «Донского табака». Он держал эти сигареты в отдельном кармане – на крутые повороты судьбы «Наша Марка» не годилась.

– Катись чиновный лизоблюд ... к чёртовой матери! – дверь назад захлопнулась на втором этаже. Тишина...

Вдруг, где-то выше послышалась еле заметное ёрзание: наверное, пацан-подросток – сосед с третьего – тискался со своей подружкой на межэтажном пролёте. «Завтра о моём изгнании собственным отцом будет талдонить весь двор!» – Сокрушённо подумал младший лейтенант: «Ох! Весёленькие сюрпризики, на сон грядущий...»

Ни один фонарь вокруг давно не светил, а большинство окон давно погасло – малосостоятельные люди сэкономили «Чубайсовы деньги». В роскошных люстрах почти не осталось лампочек, а бра или настольные лампы не пробивались сквозь плотные шторы. В абсолютной темноте Андрей побрёл в неопределённом направлении. Старые качели, покосившиеся детские домики, разросшиеся деревья, трансформаторная будка, несколько железных гаражей, замаскированных под детские горки... В темноте воспалённый мозг сотрудника милиции, после пережитого стресса, накладывал на всё печать уродливой зловещности. Джунгли современного мегаполиса, логово для хулиганствующих шаек. Плотные зашторенные окна, каждый в округе занят только собой – своими неразрешимыми бедами – делай что хочешь! Мрачный лабиринт двора сделался надёжным укрытием для корешей Толяна. Благодаря искусству постсоветских тренеров, Толян, забросив карьеру и профессиональный спорт, практически не встречая сопротивления со стороны властей, быстро превратился в бульдогоподобного властелина одного из ростовских лабиринтов.

Двор образовывали три многоподъездные пятиэтажки, стоящие буквой «П». Четвёртую сторону занимал частный сектор, который так и не успели снести при Брежневе и теперь начали застраивать великолепными особняками, рядом с которыми бывшие «высотки» выглядели убогими лачугами. Тем не менее, и в этой части царил темень, оберегаемая синенькими

бликами телекамер. В результате такой планировки – по воле переменчивой фортуны – получилось, что из двора выходило четыре выезда.

Андрей побродил по улочкам, обогнул двор и оказался сейчас возле того выезда, который выходил к задворкам завода «Рубин». Его корпуса темнели, – даже на фоне темноты окрестных кварталов, – как раз через дорогу. Однако, после разговора с Константином Хафшином, Трелуцкий уже не очень-то доверял этой – наружной – бездеятельности. А между заводом и покинутым им двором уместился целый гаражный городок. Стоп! Гаражи! Там была компания Толяна! Андрей неожиданно понял, что стоит в полусотне метров от того места, где выпивал портвейн и закусывал печеньем. Он прислушался:

– Э-э! Да там что-то происходит?! – Андрей начал соображать, как бы подкрасться к шайке.

Внезапно он уловил шаги за углом здания, возле какого стоял. Младший лейтенант мгновенно юркнул в палисадник, росший под балконами. Там он присел на землю за давно нестриженными кустами живой изгороди.

Из-за дома вышли Толян и Людмила Овсеева. «Словно в сказке: Толян и Людмила...» – ехидно усмехнулся Андрей в уме. Его осенила догадка, что это не папан с третьего тискал подругу между этажами в его подъезде, – это эти двое последовали за ним (после портвейна); дабы убедиться, что он – *мент* – слинял и не пытается подслушать их расклад с тем хрипловатым. Однако они не удержались, чтобы не покайфовать в интимной темноте подъезда. Между тем, его отец поднял такой шум – эти двое знали, что он теперь вне дома. Значит, могут предупредить своих.

– Куда он пошёл? – тихо спросил Толян у подруги.

– Не знаю, не вижу его! – несколько беспечно ответила та. Девушка явно ещё была под впечатлением от только что проведённого акта, в её голосе чувствовалась приятная истома, в результате ей не очень-то хотелось преследовать какого-то мента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.